

INSPIRIA

ЗАБЫТАЯ ДЕВУШКА

Маленький городок скрывает большую тайну...

18+

КАРИН СЛОТЕР

«Внимание Слотер к деталям не имеет себе равных»

Гиллиан Флинн, автор бестселлера «Исчезнувшая»

INSPIRIA

Ток. Карин Слотер: триллеры от мастера жанра

Карин Слотер
Забытая девушка

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111.1
ББК 84(7Coe)

Слотер К.

Забытая девушка / К. Слотер — «Эксмо», 2022 — (Ток. Карин Слотер: триллеры от мастера жанра)

ISBN 978-5-04-188968-5

ОТ АВТОРА МЕЖДУНАРОДНЫХ БЕСТСЕЛЛЕРОВ «ХОРОШАЯ ДОЧЬ» И «ОСКОЛКИ ПРОШЛОГО», ЭКРАНИЗИРОВАННЫХ NETFLIX. Маленький городок скрывает большую тайну... Кто убил Эмили Вон? Девушка с секретом... Лонгбилл-Бич, 1982 год. Семнадцатилетняя Эмили Вон готовится к выпускному балу, обещающему стать самым важным событием года. Но у нее есть один секрет. Секрет, который к концу вечера будет стоить ей жизни. Нераскрытое убийство... Сорок лет спустя убийство девушки так и остается загадкой. У полицейских было много подозреваемых, но абсолютно никаких улик. Компания лучших друзей хранит молчание, богатая и влиятельная семья Эмили отгородилась от мира, а жители городка давно забыли о ней. Загадочные смерти продолжают... Федеральный маршал Андреа Оливер приезжает в Лонгбилл-Бич на свое первое задание: защитить судью, которой стали поступать угрозы. Но на самом деле Андреа намерена раскрыть убийство Эмили. Расследование приводит ее к череде загадочных смертей, слишком подозрительных для такого маленького города. Ясно только одно – убийца все еще на свободе, и это последний шанс его поймать. Андреа должна узнать правду, прежде чем ее тоже заставят замолчать... «Именно поразительный дар Слотер создавать точные образы выделяет ее среди авторов триллеров». – Washington Post «Внимание Слотер к деталям и правда не имеет себе равных». – Гиллиан Флинн, автор международного бестселлера «Исчезнувшая» «Если вам нравятся триллеры, то вам нравится Карин Слотер». – theSkimm «Вся эта история – шедевр жанра, и писательское мастерство Слотер никогда не блистало так ярко, как в этом романе». – BookReporter.com «Ее персонажи, сюжет и подача не имеют себе равных среди авторов триллеров, и если вы еще не читали Слотер, то это – самый подходящий момент». – Майкл Коннелли, автор бестселлера «"Линкольн" для адвоката» «Художественная литература не может быть лучше этой». –

Джеффри Дивер, автор бестселлеров New York Times «Одна из самых смелых авторов триллеров, пишущая сегодня». – Тесс Герритсен, автор бестселлеров New York Times «Ожидайте от триллера Карин Слотер... нужного количества сюжетных поворотов, потрясений, сюрпризов а также внутреннего трепета и эмоциональности». – Parade «Ее талант равноценен таланту Эдгара По и Натаниэля Готорна... Образцовый рассказчик, умело и тонко сплетающий слова. Она будет признана одним из величайших талантов XXI века и займет почетное место в мире литературы». – The Huffington Post «Роман Слотер похож на то, как профессиональный спортсмен приходит на игровую площадку, чтобы показать детям, как надо делать. С ее глубокими темами, напряженностью и метафорами у нее есть связь с классикой, которой так часто не хватает в современной литературе». – RT Book Reviews

УДК 821.111.1

ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-04-188968-5

© Слотер К., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

17 апреля, 1982	7
Наши дни	21
1	21
2	37
17 октября, 1981	52
3	62
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Карин Слотер

Забытая девушка

Посвящается миссис Д. Джинджер

Karin Slaughter

GIRL, FORGOTTEN

Copyright © 2022 by Karin Slaughter. All rights reserved.

Published by arrangement with William Morrow, an imprint of HarperCollins Publishers

© Масленникова Т.А., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

17 апреля, 1982

Эмили Вон нахмурилась, глядя в зеркало. Платье выглядело так же красиво, как и в магазине. Проблема была в ее теле. Она повернулась сначала в одну сторону, потом в другую, пытаясь найти ракурс, с которого она не будет выглядеть, как выбросившийся на берег умирающий кит.

Из угла прозвучал голос бабушки:

– Тебе лучше держаться подальше от печенья, Роуз.

Эмили потребовалась секунда на то, чтобы перестроиться. Роуз была сестрой бабушки, она умерла от туберкулеза во время Великой депрессии. Эмили дали второе имя в ее честь.

– Бабуль, – сказала Эмили своей бабушке, прижав руку к животу, – я не думаю, что это из-за печенья.

– Ты уверена? – Хитрая улыбка коснулась губ бабушки. – Я надеялась, что ты поделишься.

Эмили еще раз неодобрительно нахмурилась при виде своего отражения, прежде чем с усилием натянуть улыбку на лицо. Она неловко опустилась на колени перед креслом-качалкой бабушки. Пожилая женщина вязала детский свитер. Ее пальцы подныривали под крошечный воротник и выпархивали из-под него, как колибри. Длинный рукав ее платья в викторианском стиле был закатан по локоть. Эмили осторожно коснулась темно-фиолетового синяка, опоясывающего ее костлявое запястье.

– Руки-крюки, – напевный голос бабушки как будто бы извинялся. – Фредди, тебе нужно переодеть это платье, прежде чем папа вернется домой.

Теперь она думала, что Эмили – это ее дядя Фред. Деменция – это не что иное, как череда встреч с семейными скелетами, выстроившимися в шкафу.

Эмили спросила:

– Хочешь, я принесу тебе печенья?

– Было бы замечательно.

Бабушка продолжала вязать, но ее глаза, которые обычно ни на чем не фокусировались, внезапно остановились на Эмили. Она наклонила голову набок, будто рассматривала перламутровую стенку морской раковины.

– Только взгляни на свою прекрасную гладкую кожу. Ты такая миленькая.

– Это семейное. – Эмили потряс этот почти осязаемый переход в осознанное состояние, которое изменило взгляд ее бабушки. Она снова вернулась в реальный мир, словно кто-то прошелся шваброй по ее захламленному разуму и снял всю паутину.

Эмили коснулась ее морщинистой щеки.

– Здравствуй, бабуль.

– Здравствуй, моя милая деточка. – Ее руки прекратили вязать и нежно легли на лицо Эмили. – Когда у тебя день рождения?

Эмили знала, что должна дать ей как можно больше информации.

– Через две недели мне будет восемнадцать, бабушка.

– Две недели. – Улыбка бабушки стала еще шире. – Как замечательно быть молодой. Столько надежд. Вся жизнь – как книга, которую только предстоит написать.

Эмили взяла в кулак всю свою волю: она возвела вокруг себя крепость, защищаясь от волны эмоций. Она не хотела портить этот момент слезами.

– Расскажи мне историю из своей книги, бабуль.

Бабушка засветилась от радости. Она любила рассказывать истории.

– Я уже рассказывала тебе, как вынашивала твоего отца?

– Нет, – ответила Эмили, хотя слышала эту историю десятки раз. – Как это было?

– Кошмарно, – она рассмеялась, чтобы смягчить это слово. – Меня тошнило по утрам и вечерам. Я еле вставала с кровати, чтобы что-то приготовить. В доме был полный бардак. На улице стояла жарища, это я точно помню. Мне ужасно хотелось подстричься. Волосы были очень длинные, до пояса, и пушились на жаре еще до того, как успевали высохнуть.

Эмили подумала, не путает ли бабушка свою жизнь с рассказом «Бернис коротко стрижется». Фитцджеральд и Хемингуэй часто переплетались с ее воспоминаниями.

– Насколько коротко ты подстриглась?

– О нет, я этого не сделала, – ответила бабушка. – Твой дед мне бы не позволил.

Эмили почувствовала, как у нее открывается рот от изумления. Это звучало как история из реальной жизни, а не рассказ.

– Такая суматоха поднялась. Вмешался мой отец. Они с моей матерью пришли заступиться за меня, но твой дед отказался пускать их в дом.

Эмили крепко сжала дрожащие руки бабушки.

– Я помню, как они спорили на крыльце. Дошло бы до драки, если бы мама не уговорила их остановиться. Она хотела забрать меня домой и присмотреть за мной, пока не родится ребенок, но твой дед не согласился. – Она выглядела потрясенной, будто ей в голову внезапно пришла какая-то мысль. – Представь, насколько иначе сложилась бы моя жизнь, если бы они забрали меня домой в тот день.

Эмили была не в состоянии это представить. Она могла думать только о своей жизни. Она попала в ту же ловушку, что и ее бабушка.

– Ягненок, – узловатые пальцы бабушки поймали слезы Эмили, прежде чем они успели упасть, – не грусти. Ты вырвешься. Ты пойдешь в колледж. Ты встретишь мальчика, который будет тебя любить. У тебя появятся дети, которые будут тебя обожать. Ты будешь жить в красивом доме.

Эмили почувствовала, как у нее щемит в груди. Она потеряла надежду на такую жизнь.

– Сокровище мое, – сказала бабушка, – ты должна мне верить. Я блуждаю в тумане между жизнью и смертью, и это позволяет мне заглянуть и в прошлое, и в будущее. В грядущих днях я не вижу для тебя ничего, кроме счастья.

Эмили почувствовала, как ее крепость трескается под напором нахлынувшей тоски. Что бы ни случилось – хорошее, плохое или нейтральное, – бабушка этого не увидит.

– Я так сильно тебя люблю.

Ответа не последовало. Взгляд бабушки снова затянуло паутиной, и он приобрел знакомое выражение замешательства. Она держала за руки незнакомку. Смутившись, она вновь взялась за спицы и вернулась к свитеру.

Вставая, Эмили стерла остатки слез. Нет ничего хуже, чем смотреть, как плачет незнакомец. Зеркало манило, но она и так чувствовала себя достаточно паршиво, чтобы смотреть на свое отражение еще хотя бы секунду. К тому же ничего все равно не изменится.

Бабушка даже не подняла взгляд, когда Эмили взяла свои вещи и вышла из комнаты.

Она остановилась наверху лестницы и прислушалась. Резкий голос ее матери приглушала закрытая дверь ее кабинета. Эмили попыталась расслышать глубокий баритон отца, но он, вероятно, все еще был на заседании факультета. И все-таки Эмили сняла туфли, прежде чем осторожно прокрасться вниз по лестнице. Каждая скрипучая половица была знакома ей так же хорошо, как и воинственные крики родителей.

Ее рука уже тянулась к ручке входной двери, когда она вспомнила про печенье. Величественные старинные часы ее деда показывали почти пять. Бабушка не вспомнит о своей просьбе, но ее покормят только после шести.

Эмили поставила туфли у двери, прислонила к каблукам небольшую сумочку. На цыпочках прошла мимо кабинета матери на кухню.

– И куда ты, черт возьми, собралась идти в таком виде?

Отцовская вонь сигар и несвежего пива заполнила кухню. Черный пиджак был накинут на один из стульев. Рукава белой деловой рубашки подвернуты. Неоткрытая банка «Натти Бо» стояла рядом с парой уже пустых и смятых.

Эмили смотрела, как капля конденсата стекает по запотевшей банке.

Ее отец щелкнул пальцами, как будто подгоняя одного из своих аспирантов.

– Отвечай.

– Я просто...

– Я знаю, что ты *просто*, – перебил он ее. – Тебе мало того вреда, который ты уже нанесла этой семье? Ты собираешься окончательно разрушить нашу жизнь за два дня до самой важной недели в карьере твоей матери?

Лицо Эмили вспыхнуло от стыда.

– Это никак не связано с...

– Мне абсолютно плевать, что ты думаешь о том, с чем это *связано* или *не* связано. – Он сорвал кольцо с банки и бросил его в раковину. – Ты можешь развернуться, снять это омерзительное платье и оставаться в своей комнате, пока я не скажу тебе выходить.

– Да, сэр. – Она открыла шкаф, чтобы взять печенье для бабушки. Пальцы Эмили едва коснулись оранжево-белой упаковки «Берджерс», когда рука отца схватила ее запястье. Ее мозг сосредоточился не на боли, а на воспоминании о синяке в форме наручников на хрупком запястье ее бабушки.

Ты вырастешь. Ты пойдешь в колледж. Ты встретишь мальчика, который будет тебя любить.

– Папа, я...

Он сжал сильнее, и от боли у нее перехватило дыхание. Эмили уже стояла на коленях, крепко зажмурив глаза, когда вонючее дыхание отца ударило ей в ноздри.

– Что я тебе сказал?

– Ты... – она ахнула, когда кости у нее в запястье затрещали. – Извини, я...

– Что я тебе сказал?

– И-идти в свою комнату.

Его хватка ослабла. Облегчение было таким, что новый вздох родился где-то в самой глубине живота Эмили. Она поднялась. Закрыла дверцу шкафа. Вышла из кухни. Вернулась в коридор. Поставила ногу на нижнюю ступеньку, прямо на самое скрипучее место, но потом опустила ее обратно на пол.

Эмили обернулась.

Ее туфли все еще стояли у входной двери, вместе с сумочкой. Они были одного оттенка бирюзового, идеально подходившего к ее атласному платью. Но платье было слишком тесное, колготки не налезали, а ступни совсем опухли, так что она проигнорировала туфли и схватила только сумочку, прежде чем выйти за дверь.

Нежный весенний бриз ласкал ее обнаженные плечи, пока она шла по лужайке. Трава щекотала ей ноги. Она чувствовала резкий запах соли от океана вдалеке. Атлантика была слишком холодной для туристов, которые летом стекались на променады. Сейчас Лонгбилл-Бич принадлежал местным, которые никогда в жизни не встали бы в длинную очередь к «Трэшер» за ведерком картошки фри и не стали бы пораженно наблюдать, как машина растягивает разноцветную карамель в витрине кондитерской.

Летом.

Всего несколько месяцев назад.

Клэй, и Нардо, и Рики, и Блейк собирались сдавать выпускные экзамены, собирались вступить во взрослую жизнь, собирались уехать из этого душного, убогого прибрежного городка. Вспомнят ли они когда-нибудь об Эмили? Вспоминают ли они о ней хотя бы сейчас?

Может быть, с жалостью. Может быть, с облегчением, что наконец-то вычистили гниль из своего кровосмесительного кружка.

Ее статус изгоя теперь казался не таким болезненным, как вначале. Эмили наконец смирилась с тем, что перестала быть частью их жизни. Вопреки тому, что сказала бабушка, Эмили никуда *не* вырвется. Она *не* пойдет в колледж. Она *не* встретит мальчика, который будет ее любить. Она будет визжать в свисток спасателя на бегающую по пляжу несносную мелюзгу или раздавать бесконечные бесплатные пробники за стойкой «Солти Питс Софт Серв».

Ее босые ступни шлепали по теплomu асфальту, когда она заворачивала за угол. Она хотела оглянуться на дом, но удержалась от этого драматического жеста. Вместо этого она представила, как ее мать шагает взад-вперед по своему кабинету с прижатым к уху телефоном и разрабатывает стратегию. Ее отец допивает очередную банку пива, а потом мысленно сравнивает расстояние до пива в холодильнике с расстоянием до виски в библиотеке. Ее бабушка заканчивает вязать крошечный свитер, гадая, для кого она вообще могла его начать.

Приближающаяся машина заставила Эмили сойти с середины дороги. Она проводила взглядом проплывший мимо двухцветный «Шевроле Шеветт», затем увидела ярко-красный свет стоп-сигналов, когда машина с визгом остановилась. Из открытых окон грохотала музыка. «Бэй Сити Роллерс».

С-У-Б-Б-О-Т-Н-И-Й вечер!

Голова мистера Векслера повернулась как на шарнире от зеркала заднего вида к боковому. Стоп-сигналы моргнули, когда он снял ногу с тормоза, нажал на газ и тут же снова притормозил. Он пытался решить, ехать ему дальше или нет.

Эмили отступила в сторону, когда машина начала двигаться задним ходом. Она почувствовала запах косяка, тлеющего в его пепельнице. Она предполагала, что Дин сегодня будет куратором, но его черный костюм больше подходил для похорон, чем для выпускного вечера.

– Эм, – начал он, пытаясь перекрыть музыку. – Что ты делаешь?

Она раскинула руки, показывая свое вздымающееся бирюзовое платье.

– А на что похоже?

Он окинул ее быстрым взглядом с ног до головы, а потом осмотрел снова, уже внимательнее, точно так же, как он смотрел на Эмили в первый день, когда она вошла в его класс. Он не только преподавал обществознание, но и был тренером по легкой атлетике, поэтому на нем тогда были бордовые шорты из полиэстера и белое поло с коротким рукавом – то же, что носили другие тренеры.

На этом сходство заканчивалось.

Дин Векслер был всего на шесть лет старше своих студентов, но обладал мудростью и опытом, каких его коллегам никогда не получить. Перед колледжем он взял год перерыва, чтобы попутешествовать с рюкзаком по Европе. Он рыл колодцы в деревнях Латинской Америки. Он пил травяной чай и выращивал собственную травку. Он носил роскошные густые усы, как у детектива Магнума. Он должен был объяснять им основы гражданского права и устройства государства, но на одном занятии читал им статью о том, как инсектициды до сих пор загрязняют грунтовые воды, а на следующем – рассказывал, как Рейган пошел на секретную сделку с иранцами по заложникам, чтобы перевернуть ход выборов.

В общем, они все сходились во мнении, что Дин Векслер – самый крутой учитель, которого они когда-либо видели.

– Эм, – повторил он ее имя, будто вздохнув. Он поставил машину на нейтралку. Загорелись аварийные огни. Он отключил двигатель, прервав песню на слове «ве-е-е-ечер».

Дин вышел из машины. Он навис над ней, но в его глазах не было угрозы.

– Ты не можешь пойти на выпускной. Что подумают люди? Что скажут твои родители?

– Мне все равно, – сказала она, но ближе к концу фразы ее голос сорвался, потому что ей было совсем не все равно.

– Ты должна понимать последствия своих поступков, – он потянулся к ее руке, но потом, видимо, передумал. – Твою мать сейчас проверяют на самых высоких уровнях.

– Правда? – спросила Эмили, как будто ее мать не провисела на телефоне столько часов, что ее ухо приобрело форму трубки. – У нее проблемы или что-то типа того?

Его вздох явно означал, что он проявляет необычайное терпение.

– Мне кажется, ты не осознаешь, что твои поступки могут поставить под удар все, над чем она работала.

Эмили наблюдала за чайкой, которая парила над грядой облаков. «Твои поступки. Твои поступки. Твои поступки». Она и раньше замечала, что Дин вел себя снисходительно, но с ней – никогда.

Он спросил:

– Что, если кто-нибудь тебя сфотографирует? Или в школе будут журналисты? Подумай, как это отразится на ней.

От возникшей мысли на ее лице появилась улыбка. Он шутил. Конечно же, он шутил.

– Эмили, – Дин явно не шутил, – ты не можешь...

Как мим, он обрисовал руками ауру вокруг ее тела. Обнаженные плечи, слишком большая грудь, слишком широкие бедра, готовые разойтись на талии швы бирюзового платья, которое плохо скрывало выпуклый живот.

Вот почему бабушка вязала крошечный свитер. Вот почему отец не выпускал ее из дома последние четыре месяца. Вот почему директор вышвырнул ее из школы. Вот почему с ней разорвали всякие связи Клэй, Нардо, Рики и Блейк.

Она была беременна.

Наконец Дин снова нашел слова.

– Что скажет твоя мать?

Эмили колебалась, пытаясь справиться с бременем позора, которым ее только что покрыли, – того же позора, с которым она жила с тех пор, как впервые прошел слух, что она больше не хорошая девочка с многообещающим будущим, а плохая девочка, которая дорого заплатит за свои грехи.

Она спросила:

– С каких это пор вы так волнуетесь о моей матери? Она ведь всего лишь винтик в порочной системе?

Ее тон был более резким, чем она рассчитывала, но ее гнев был неподдельным. Он говорил в точности как ее родители. Как директор. Другие учителя. Ее пастор. Ее бывшие друзья. Они все были правы, а Эмили ошибалась, ошибалась, ошибалась.

Она произнесла слова, которые должны были ранить его больше всего:

– Я верила в вас.

Он хмыкнул.

– Ты слишком юна, чтобы иметь надежную систему верований.

Эмили прикусила губу, с трудом сдерживая гнев. Как она раньше не замечала, что он по уши полон дерьма?

– Эмили, – он снова печально покачал головой, надеясь унижить ее настолько, что она сдастся. Он не беспокоился о ней – на самом деле нет. Он не хотел иметь с ней дела. И уж точно не хотел, чтобы она устраивала сцены на выпускном. – Ты огромная. Ты только выставишь себя на посмешище. Иди домой.

Она не собиралась идти домой.

– Вы говорили, что мы должны спалить мир дотла. Вот что вы говорили. Спалите все это. Начните заново. Постройте что-нибудь...

– Ты ничего не строишь. Очевидно, ты просто хочешь выкинуть какой-нибудь номер, чтобы привлечь внимание своей матери. – Он сложил руки на груди. Взглянул на часы. – Повзрослей, Эмили. Время эгоизма прошло. Ты должна подумать о...

– О чем я должна подумать, Дин? О чем вы хотите, чтобы я подумала?

– Господи, говори потише.

– Не указывайте мне, что делать! – Она почувствовала, как сердце колотится у нее в горле. Она сжала кулаки. – Вы сами говорили это. Я не ребенок. Мне почти восемнадцать лет. И мне до смерти надоело, что люди – мужчины – указывают мне, что делать.

– Значит, теперь я – часть патриархата?

– А нет, Дин? Это не так? Посмотрим, насколько быстро они сплотятся, когда я скажу своему отцу, что вы сделали.

Ее руку будто охватил огонь, пронзив до самых кончиков пальцев. Ее ноги оторвались от земли, когда ее резко развернули и вдавили в дверцу автомобиля. Горячий металл коснулся ее голых лопаток. Она услышала, как тикает система охлаждения. Рука Дина сжимала ее запястье. Другая рука закрывала рот. Его лицо было так близко, что она видела капельки пота, выступающие между тонкими волосками усов.

Эмили сопротивлялась. Он делал ей больно. Он делал ей по-настоящему больно.

– Какую лживую хрень ты собираешься рассказать своему отцу? – прошипел он. – Скажи-ка мне.

Что-то хрустнуло в ее запястье. Она чувствовала, что ее кости скрипят, как зубы.

– Что ты собираешься рассказать, Эмили? Ничего? Ты же ничего не собираешься рассказывать?

Ее голова опустилась и поднялась. Она не понимала, что именно – потная рука Дина или что-то внутри нее, какой-то инстинкт самосохранения, – заставило ее согласиться.

Он медленно разжал пальцы.

– Что ты собираешься сказать?

– Н-ничего. Я ничего... я ничего ему не расскажу.

– Вот это правильно. Потому что нечего рассказывать. – Он вытер руку об рубашку и сделал шаг назад. Он взглянул на нее не оценивая, просто прикидывая, во что может обойтись ее распухшее запястье. Он знал, что родителям она не скажет. Они только обвинят ее в том, что она вышла из дома, когда ей было велено скрываться. – Иди домой, пока с тобой не случилось чего-то действительно плохого.

Эмили отошла, чтобы он смог сесть в машину. Двигатель чихнул один раз, потом другой, а потом закашлялся. Зажглось радио, кассетник ожил.

С-У-Б-Б-О-Т...

Эмили баюкала свою распухшую руку, пока лысые шины автомобиля крутились, ища сцепления с дорогой. Дин оставил ее в облачке дыма от сожженной резины. Запах был ужасный, но она осталась на месте, ее босые ноги будто прилипли к горячему асфальту. Левое запястье пульсировало в унисон с сердцем. Правая рука опустилась на живот. Она вспомнила ту частую пульсацию, которую видела на ультразвуке, – в ритме ее собственного быстрого сердцебиения.

Она прикрепила все снимки УЗИ к зеркалу в своей ванной, потому что ей казалось, что так положено. На снимках было видно, как медленно развивается это крошечное пятно в форме фасолины – сначала у него появляются глаза и нос, потом пальцы на руках и ногах.

Наверное, она должна была что-то чувствовать?

Всплеск эмоций? Мгновенную связь? Ощущение чуда и величия?

Но вместо этого она чувствовала ужас. Она чувствовала страх. Она чувствовала всю тяжесть ответственности, а ответственность, в конце концов, заставила ее почувствовать нечто совершенно конкретное: призвание.

Эмили знала, что такое плохой родитель. Каждый день – часто несколько раз в день – она обещала своему ребенку, что самые важные родительские обязанности с ее стороны будут выполнены.

Теперь она произнесла это вслух, как напоминание:

– Я буду защищать тебя. Никто никогда не причинит тебе боль. Ты всегда будешь в безопасности.

Путь до города занял еще полчаса. Ее босые ноги сначала горели, потом ободрались, а потом просто онемели, пока она шла по белому кедровому настилу променада. Атлантика была по ее правую руку, волны ползли по песку, их тянул к себе отлив. Темные витрины магазинов слева отражали солнце, которое медленно ползло над Делавэр-бэй. Она представила, как оно идет над Аннаполисом, потом над городом Вашингтон, потом через Шенандоа, готовясь отправиться дальше на запад, пока Эмили бредет по беговой дорожке настила – настила, по которому ей, вероятно, придется ходить всю оставшуюся жизнь.

В это же время в прошлом году Эмили была на экскурсии по кампусу «Фогги Боттом» в Университете Джорджа Вашингтона. До того, как все так грандиозно сошло с рельсов. До того, как жизнь, какой она ее знала, безвозвратно изменилась. До того, как она потеряла право на надежду, не говоря уже о мечтах.

План был такой: благодаря праву приема по наследованию¹ ее зачисление в Университет Вашингтона – это простая формальность. Студенческие годы она проведет, комфортно устроившись между Белым домом и Центром Кеннеди. Практику она пройдет в Сенате. Она собиралась пойти по стопам отца и изучать политологию. Собиралась пойти по стопам матери и поступить в Гарвардскую школу права, потом пять лет проработать в какой-нибудь престижной юридической фирме, получить должность судьи штата, а в итоге, возможно, и федерального судьи.

Что скажет твоя мать?

– Твоя жизнь кончена! – кричала ее мать, когда стало очевидно, что Эмили беременна. – Теперь тебя никто не будет уважать!

Самое забавное, что, оглядываясь на последние несколько месяцев, она понимала, что ее мать права.

Эмили сошла с променада, срезая участок пути по длинному темному переулку между кондитерской и палаткой с хот-догами, и перешла Бич-драйв. В конце концов она оказалась на Роял Коув Уэй. Мимо проехало несколько машин, и некоторые притормозили, чтобы посмотреть на замызганный пляжный мячик в ярко-бирюзовом выпускном платье. Эмили потеряла плечи, ежась от холода. Ей не стоило выходить в таком кричащем наряде. Ей не стоило выбирать что-то без бретелек. Ей стоило перешить его, чтобы подогнать под свое увеличившееся тело.

Но все эти светлые идеи не приходили ей в голову до этого момента, так что ее набухшая грудь вываливалась из лифа, а бедра раскачивались, как маятник часов в публичном доме.

– Эй, горячая штучка! – выкрикнул парень из окна «Мустанга». Его друзья набились на заднее сиденье. Из окна торчала чьи-то ноги. Она чувствовала запах пива, травы и пота.

Эмили придерживала рукой свой живот, пока шла по школьному двору. Она думала о ребенке, который рос внутри. Сначала это казалось нереальным. Потом стало ощущаться как обуза. И только недавно она почувствовала, что это человеческое существо.

Ее человеческое существо.

– Эмми?

---

¹ Предпочтение по наследованию, или прием по наследованию, – это преференция, оказываемая организацией или образовательным учреждением определенным абитуриентам на основании того, что они являются членами семьи выпускников этих учреждений. (Здесь и далее, если не указано иное, – прим. перев.)

Она обернулась и удивилась, увидев Блейка, который прятался в тени дерева. В одной руке он держал сигарету. Невероятно, но он нарядился к выпускному. Еще с начальной школы они насмехались над танцами и выпускными, этими «дешевыми зрелищами для плебса», который цепляется за то, что, возможно, будет лучшими вечерами в его жалкой жизни. Только формальный черный смокинг Блейка отличал его от парней в ярко-белом и пастельном, которых она видела в машинах.

Она кашлянула.

– Что ты здесь делаешь?

Он ухмыльнулся.

– Мы решили, что будет весело понаблюдать за плебсом лично.

Она огляделась в поисках Клэя, Нардо и Рики, потому что они всегда ходили стаей.

– Они внутри, – объяснил он. – Кроме Рики. Она опаздывает.

Эмили не знала, что сказать. «Спасибо» было бы неправильно, учитывая ее последний разговор с Блейком, когда он назвал ее тупой сукой.

И она просто пошла дальше, бросив неопределенное:

– Увидимся.

– Эм?

Она не остановилась и не обернулась, потому что, может, он и был прав насчет того, что она сука, но тупой она все-таки не была.

Пульсирующий гул музыки доносился из открытых дверей спортивного зала. Эмили чувствовала, как басы вибрируют в ее зубах, пока шла по двору. Выпускной комитет, очевидно, остановился на теме «Романтика у моря», что было столь же тоскливо, сколь и предсказуемо. Бумажные рыбки всех цветов мелькали среди голубых лент. Среди рыбок не было ни одного копыеносца, в честь которого был назван их город, но кто она такая, чтобы кого-то поправлять? Она даже не их ученица.

– Господи, – сказал Нардо. – А у тебя есть яйца – явиться сюда вот так.

Он стоял в стороне, рядом со входом – именно там, где Эмили ожидала бы его найти. Тот же черный смокинг, что и у Блейка, но со значком «Я застрелил Джона Ф. К.» на лацкане, который должен был продемонстрировать, что он пришел сюда шутки ради. Он предложил Эмили глотнуть из наполовину пустой бутылки оранжевого «Мэд Дог 20/20».

Она покачала головой:

– Я отказалась от этого на время своего великого поста.

Он хохотнул и сунул бутылку обратно в карман пиджака. Эмили заметила, что его швы уже расходятся под весом дешевого пойла. За ухом у Нардо торчала самокрутка. Эмили вспомнила, что ее отец сказал о нем, когда впервые его встретил:

«Этот парень окажется в тюрьме или на Уолл-стрит, но только не в этом порядке».

– Итак, – он достал сигарету из-за уха и стал искать зажигалку, – что привело такую плохую девчонку, как ты, в такое милое место?

Эмили закатила глаза.

– Где Клэй?

– А что, тебе есть что ему сказать? – он приподнял брови, многозначительно глядя на ее живот.

Эмили подождала, пока он прикурит сигарету. Целой рукой она начала водить по своему животу, как ведьма над хрустальным шаром.

– А что, если мне есть что сказать тебе?

– Черт, – сказал он, нервно взглянув через ее плечо. Они начали привлекать внимание. – Это не смешно, Эмили.

Она снова закатила глаза.

– Где Клэй?

– Откуда я, блять, знаю, – он отвернулся, изображая интерес к лимузину, подъехавшему ко входу.

Эмили направилась в спортзал, потому что знала, что Клэй будет где-то у сцены, скорее всего, в окружении красивых стройных девушек. Она почувствовала ногами холод, когда ступила на полированный деревянный пол спортзала. Морская тема поддерживалась и внутри здания. Воздушные шары бились о потолок; к концу вечера они сдуются и опустятся вниз. Огромные круглые столы были украшены композициями, посвященными морю, из склеенных ракушек и ярко-розовых персиковых цветов.

– Смотри, – сказал кто-то. – Что *она* здесь делает?

– Ничего себе.

– Непробиваемая.

Эмили заставляла себя смотреть строго вперед. Группа настраивала аппаратуру на сцене, но кто-то включил музыку, чтобы заполнить тишину. В животе заурчало, когда она проходила мимо столов с закусками. Тошнотворно сладкий сироп, который выдавали за пунш. Мини-сэндвичи с мясом и сыром. Остатки карамели, которую туристы не успели купить прошлым летом. Металлические ведерки с вялой картошкой фри. Сосиски в тесте. Тарталетки с крабом. Печенья и пирожные «Бержерс».

Эмили остановилась на пути к сцене. Гул толпы стих. Все, что она слышала, – это эхо предостережения Рика Спрингфилда не разговаривать с незнакомцами.

Люди глазели на нее. Не просто люди. Кураторы. Родители. Учитель рисования, который говорил, что она демонстрирует выдающиеся способности. Учитель английского, который написал «*Я впечатлен!*» под ее работой о Вирджинии Вульф. Учитель истории, который обещал Эмили, что она будет главным обвинителем в постановочном судебном процессе в этом году.

До того, как...

Эмили расправила плечи, направившись к сцене, ее живот шел впереди, как корма океанского лайнера. Она выросла в этом городе, ходила здесь в школу, посещала церковь, ездила в летние лагеря и на экскурсии, участвовала в походах и ночевках. Здесь были ее одноклассники, ее соседи, ее подружки герл-скауты, ее партнеры по лабораторкам, ее товарищи по учебе, ее приятели, с которыми она проводила время, когда Нардо был с Клэем в Италии в гостях у своей семьи, а Рики и Блейк помогали дедушке в закусочной.

А теперь...

Все ее бывшие друзья шарахались от нее, будто она прокаженная. Такие лицемеры. Она занималась тем, чем они либо тоже занимались, либо очень хотели бы заняться, вот только ей не повезло оказаться на этом пойманной.

– Господи, – прошептал кто-то.

– Возмутительно, – сказал один из родителей.

Но их порицание ее больше не волновало. Дин Векслер в своем паршивом двухцветном «шеви» сорвал последний слой стыда, который она испытывала по поводу своей беременности. Единственная причина, почему это было неправильно, – это потому, что эти осуждающие засранцы говорили себе, что это неправильно.

Она мысленно блокировала их перешептывания, повторяя про себя список обещаний, которые дала своему ребенку:

Я буду защищать тебя. Никто никогда не причинит тебе боль. Ты всегда будешь в безопасности.

Клэй стоял, облокотившись на сцену. Он скрестил руки, дожидаясь ее. На нем был такой же черный смокинг, как на Блейке и Нардо. Или, что более вероятно, это они надели такие же смокинги, какой выбрал Клэй. С мальчиками так было всегда. Что бы ни сделал Клэй, остальные повторяли за ним.

Он ничего не сказал, когда Эмили остановилась перед ним, только вопросительно приподнял бровь. Она заметила, что, несмотря на то что он насмехался над чирлидершами, окружали его именно они. Остальные в компании, может, и говорили себе, что они пришли на выпускной, чтобы поиронизировать. Только Клэй знал, что они пришли на выпускной, чтобы он мог с кем-нибудь переспать.

Когда остальные смущенно затихли, Ронда Алонсо, капитан команды поддержки, наконец сказала:

– Что *она* здесь делает?

Она смотрела на Эмили, но вопрос задала Клэю.

Другая чирлидерша сказала:

– Может, это что-то в духе «Кэрри»?

– Кто-нибудь принес свиную кровь?

– Кто будет ее короновать?

Раздался нервный смех, но все смотрели на Клэя и ждали, что он задаст тон.

Он сделал глубокий вдох и после небольшой паузы медленно выдохнул. Затем он небрежно пожал одним плечом:

– В свободном мире живем.

Сухой воздух драл Эмили горло. Когда она думала, как пройдет этот вечер, когда она с восторгом представляла их коллективный шок и упивалась фантазиями о том, что она расскажет своему ребенку – историю о его матери, богемной радикальной соблазнительнице, которая осмелилась развлекаться на своем выпускном вечере, – Эмили рассчитывала испытать какие угодно эмоции, кроме той, которую испытывала сейчас: усталость. И ментально, и физически она чувствовала себя не в состоянии сделать хоть что-то, кроме как развернуться и уйти туда, откуда пришла.

Так она и сделала.

Толпа все еще была разделена, но их настроение явно сместилось в сторону факелов с вилами и «алой буквы»². Мальчики в гневе стиснули зубы. Девочки демонстративно отворачивались. Она видела, как родители и учителя с отвращением качают головами. *Что она здесь делает? Почему она портит вечер всем остальным? Иезавель. Шлюха. Она сама вырыла себе яму. Кем она себя возомнила? Она ломает жизнь какому-нибудь бедному мальчику.*

Эмили не осознавала, как душно было в спортзале, пока не вышла на улицу, на свободу. Нардо уже не ошивался у дверей. Блейк скрылся в другой тени. Рики была там же, где и всегда в подобные моменты, – то есть вряд ли занималась чем-то полезным.

– Эмили?

Она обернулась и, к своему удивлению, увидела Клэя. Он шел за ней из спортзала. Клэй-тон Морроу никогда ни за кем не шел.

Он спросил:

– Что ты здесь делаешь?

– Ухожу, – сказала она. – Возвращайся внутрь, к своим друзьям.

– К этим неудачникам? – Его губы скривились в ухмылке. Он бросил взгляд за ее плечо, проследив глазами за чем-то слишком быстрым, чтобы быть человеком. Клэй любил наблюдать за птицами. Это была его секретная ботанская сторона. Он читал Генри Джеймса и любил Эдит Уортон, у него были одни пятерки по углубленной математике, и он не смог бы объяснить, что такое штрафной бросок или как закручивать футбольный мяч, но всем было наплевать, потому что он был чертовски неотразим.

– Что тебе нужно, Клэй? – спросила Эмили.

---

² Знак в виде буквы «А» из красной ткани, который должны были носить осужденные за супружескую измену в пуританской Новой Англии XVII века. (Прим. ред.)

– Это ты заявила сюда, чтобы найти меня.

Ей показалось странным, что Клэй предположил, будто она пришла сюда ради него. Эмили вообще не ожидала встретить кого-то из них на выпускном. Она хотела шокировать всю остальную школу – за то, что ее подвергли остракизму. Если честно, она надеялась, что мистер Ламперт, директор, вызовет шефа Стилтона и ее арестуют. А потом ее освободят под залог, и ее отец будет в ярости, а мать...

– Вот дерьмо, – пробормотала Эмили. Может, она и правда проделала этот номер из-за своей матери.

– Эмили? – спросил Клэй. – Ну же. Почему ты здесь? Чего ты хочешь от меня?

Он не хотел ответа. Он хотел отпущения грехов.

Эмили не была его пастором.

– Возвращайся внутрь и наслаждайся, Клэй. Подцепи какую-нибудь чирлидершу. Поступи в колледж. Получи отличную работу. Заходи во все двери, всегда открытые перед тобой. Наслаждайся своей жизнью, Клэй.

– Подожди. – Его рука легла ей на плечо, и он, словно нажав на рычаг, развернул ее к себе. – Ты несправедлива.

Она посмотрела в его ясные голубые глаза. Этот момент не имел для него никакого значения – это было неприятное взаимодействие, которое исчезнет из его памяти, как облачко дыма. Через двадцать лет Эмили будет для него не чем иным, как источником ноющего беспокойства, которое он испытает, когда откроет почтовый ящик и увидит там приглашение на встречу выпускников.

– Моя *жизнь* несправедлива, – сказала она ему. – А у тебя все в порядке, Клэй. У тебя всегда все в порядке. И всегда все *будет* в порядке.

Он тяжело вздохнул.

– Не превращайся в одну из этих скучных озлобленных женщин, Эмили. Я возненавижу тебя за это.

– Не допусти, чтобы шеф Стилтон узнал, что ты делаешь за закрытыми дверями, Клэйтон. – Она поднялась на цыпочки, чтобы увидеть страх в его глазах. – Я возненавижу тебя за это.

Одна его рука взлетела и схватила ее за шею. Другая – замахнулась на нее. Его глаза потемнели от ярости.

– Ты добьешься того, что тебя прикончат, паршивая дрянь.

Эмили зажмурилась, ожидая удара, но услышала лишь нервный смех.

Она приоткрыла глаза.

Клэй отпустил ее. Он был не настолько глуп, чтобы бить ее при свидетелях.

«*Этот окажется в Белом доме*, – сказал ее отец, когда первый раз встретил Клэя. – *Если не окажется в петле*».

Эмили уронила сумочку, когда он схватил ее. Клэй поднял ее, отряхнул грязь с атласного клатча. И подал Эмили, строя из себя кавалера.

Она вырвала клатч у него из рук.

На этот раз Клэй не последовал за Эмили, когда она развернулась, чтобы уйти. Она прошла мимо нескольких кучек гостей выпускного бала, одетых в разные оттенки пастели и кринолины. Большинство из них останавливались, чтобы просто поглазеть на нее, но Мелоди Брикел, ее давнишняя подруга по репетициям ансамбля, тепло улыбнулась ей, а это что-то да значило.

Эмили ждала зеленого сигнала светофора, чтобы перейти улицу. Ей больше не свистели вслед, хотя одна машина, полная парней, проехала мимо зловеще медленно.

– Я буду защищать тебя, – шептала она маленькому пассажиру, который рос внутри нее. – Никто никогда не причинит тебе боль. Ты всегда будешь в безопасности.

Наконец загорелся зеленый. Солнце медленно опускалось, и длинные тени ползли к концу пешеходного перехода. Эмили всегда чувствовала себя спокойно одна в городе, но теперь у нее побежали мурашки по коже. Ей было не по себе, оттого что она снова шла через темный переулочек между кондитерской и палаткой с хот-догами. Ее ноги ныли от этой изматывающей прогулки. Ее шея болела там, где Клэй схватил ее. Ее запястье все еще пульсировало, как будто было сломано или сильно вывихнуто. Ей не надо было приходить сюда. Ей надо было остаться дома и составить компанию бабушке, пока не прозвенит звонок к ужину.

– Эмми? – Это снова был Блейк, он вышел из тени от палатки с хот-догами, как вампир. – У тебя все нормально?

Она почувствовала, что ее мужество сломлено. Теперь никто не спрашивал, все ли у нее нормально.

– Мне нужно домой.

– Эм... – Он не собирался отпускать ее так легко. – Я просто... у тебя точно все нормально? Потому что это как-то странно, что ты здесь. Странно, что мы все здесь, но особенно, ну, твои туфли. Кажется, они потерялись.

Они оба взглянули на ее босые ноги.

Эмили засмеялась лающим смехом, который отдался во всем ее теле, словно Колокол Свободы. Она смеялась так, что у нее заболел живот. Она смеялась, пока не сложилась вдвое.

– Эмми? – Блейк положил руку ей на плечо. Он думал, что она сошла с ума. – Мне позвонить твоим родителям или...

– Нет. – Она выпрямилась и вытерла глаза. – Извини. Я только что осознала, что я буквально босая и беременная³.

Блейк с усилием улыбнулся.

– Это ты специально?

– Нет. Да?

Она честно не знала. Может быть, ее подсознание выкидывало странные фокусы. Может быть, ребенок контролировал ее гормоны. Она легко поверила бы любому из этих объяснений, потому что третий вариант – что у нее окончательно поехала крыша – был бы не самым приятным развитием событий.

– Прости, – сказал Блейк, но его извинения всегда были пустыми, потому что он совершал одни и те же ошибки снова и снова. – За то, что я сказал раньше. Не раньше, а намного раньше. Я не должен был говорить... Я имею в виду, неправильно было говорить...

Она прекрасно знала, о чем он.

– Что я должна спустить его в унитаз?

Он казался почти таким же испуганным, какой была Эмили, когда он предложил это много месяцев назад.

– Это... да, – сказал он. – Мне не стоило это говорить.

– Да, не стоило. – Эми почувствовала, как у нее сжалось горло, потому что правда заключалась в том, что решение никогда не было за ней. Родители приняли его вместо нее. – Мне нужно...

– Давай пойдем куда-нибудь и...

– Черт! – Она выдернула свое поврежденное запястье из его руки. Ее нога неловко опустилась на неровный участок тротуара. Она начала падать, бессмысленно цепляясь за пиджак Блейка, пока не ударилась копчиком об асфальт. Боль была невыносимая. Она перевернулась на бок. Что-то влажное просочилось у нее между ног.

Ребенок.

---

³ «Босая и беременная» (англ. Barefoot and pregnant) – англоязычное выражение, ассоциирующееся с идеей о том, что женщина не должна работать, а обязана заниматься домашним хозяйством и иметь большое количество детей.

– Эмили! – Блейк упал на колени рядом с ней. – Ты в порядке?

– Уходи! – взмолилась Эмили, хотя ей нужна была его помощь, чтобы встать. Ее сумочка сломалась при падении. Голубой атлас порвался. – Блейк, пожалуйста, просто уходи. Ты делаешь все только хуже! Почему ты всегда все делаешь хуже?

В его глазах вспыхнула боль, но сейчас она не могла ему посочувствовать. В ее голове крутились мысли о том, как такое сильное падение могло повредить ребенку.

– Я не хотел... – начал он.

– Конечно, ты не хотел! – закричала она. Это он до сих пор распускал слухи. Это он подталкивал Рики к ее жестокостям. – Ты никогда ничего такого не хочешь, правда? Ты никогда ни в чем не виновен, ты никогда не лажаешь, никогда ни за что не ответственен! А знаешь что? Это – твоя вина. Ты получил что хотел. Это все твоя чертова вина.

– Эмили...

Она кое-как поднялась, хватаясь за угол кондитерской. Она слышала, что Блейк говорит что-то, но в ее ушах стоял громкий высокий крик.

Это был ее ребенок? Это был его крик о помощи?

– Эмми?

Она оттолкнула его и, спотыкаясь, пошла дальше по темному переулку. Горячая жидкость стекала по внутренней стороне ее бедер. Она прижала ладонь к грубому кирпичу, пытаясь не упасть на колени. Ее душили рыдания. Она открыла рот и судорожно вдохнула. Соленый воздух обжигал ее легкие. Солнце слепило ее бликами на променаде. Она отступила назад в темноту, облокотившись на стену в конце переуллка.

Эмили снова посмотрела на улицу. Блейк слинял. Никто ее не видел.

Она задрала платье, больной рукой придерживая складки атласа. Здоровой рукой она провела у себя между ног. Она ожидала увидеть на своих пальцах кровь, но на них ничего не оказалось. Она наклонилась и понюхала свою руку.

– О, – прошептала она.

Она обмочилась.

Эмили снова рассмеялась, но на этот раз сквозь слезы. От облегчения у нее подогнулись колени. Кирпич цеплялся за ее платье, пока она сползала по нему на землю. У нее болел копчик, но ей было все равно. Она была шокирующе счастлива от того, что описалась. Тьма, окутавшая ее мозг в тот момент, когда она подумала, что у нее между ног хлещет кровь, была куда более поучительна, чем любой снимок с ультразвука, который она могла прикрепить к зеркалу в ванной.

В тот момент Эмили отчаянно хотела, чтобы с ребенком все было в порядке. Не из-за чувства долга. Ребенок стал не только ответственностью. Это была возможность любить кого-то так, как ее никогда не любили.

И впервые за все время, что она находилась в этом позорном, унижительном, беспомощном положении, Эмили Вон осознала, что, несомненно, любит этого ребенка.

– Похоже на девочку, – сказал ей врач во время ее последнего приема.

Тогда Эмили отнеслась к этой новости как к просто еще одному шаге в процессе, но теперь осознание словно прорвало плотину, которая так долго сдерживала ее эмоции.

Ее девочка.

Ее крошечная драгоценная маленькая девочка.

Эмили прижала руку ко рту. Она так ослабла, что упала бы, если бы уже не сидела на холодной земле. Она уронила голову на колени. Большие круглые слезы катились по ее щекам. Она открыла рот, но ее грудь так разрывало от любви, что она не могла проронить ни звука. Она прижала ладонь к животу и представила, как маленькая ручка прижимается к ней в ответ. Ее сердце дрогнуло, когда она подумала, что однажды сможет поцеловать кончики этих драгоценных пальчиков. Бабушка говорила, что у каждого младенца есть свой запах, который знает

только его мать. Эмили хотела узнать этот запах. Она хотела просыпаться по ночам и прислушиваться к быстрому дыханию чудесной девочки, которая выросла внутри ее тела.

Она хотела строить планы.

Через две недели Эмили исполнится восемнадцать лет. Еще через два месяца она станет матерью. Она найдет работу. Она уедет из дома своих родителей. Бабушка поймет, а то, что не поймет, забудет. Дин Векслер был прав в одном: Эмили нужно повзрослеть. У нее теперь есть о ком думать помимо себя. Ей нужно вырваться из Лонгбилл-Бич. Ей нужно начать планировать свое будущее вместо того, чтобы позволять другим людям планировать за нее. И, что еще важнее, она должна дать своей малышке все, чего у Эмили никогда не было.

Доброту. Понимание. Защищенность.

Эмили закрыла глаза. Она представила, как ее маленькая девочка радостно плавает у нее внутри. Она сделала глубокий вдох и начала читать свою мантру, но теперь из любви, а не из чувства долга.

– Я буду защищать тебя...

Громкий хлопок заставил ее открыть глаза.

Эмили увидела черные кожаные ботинки, черные носки, края черных брюк. Она посмотрела вверх. Солнце мигнуло, когда в воздух взлетела бита.

Ее сердце сжалось в кулак. Ее с внезапной необратимостью наполнил страх.

Не за себя – за своего ребенка.

Эмили свернулась калачиком, обняла руками живот, высоко поджала колени и упала на бок. Она отчаянно боролась за еще одно мгновение, еще один вдох, чтобы последние слова ее маленькой девочке не были ложью.

Кто-то всегда планировал причинить им боль.

Они никогда не были в безопасности.

Наши дни

1

Андреа Оливер очень хотелось, чтобы ее живот перестал урчать, пока она бежала по грязной тропинке. Солнце обжигало ей плечи. Влажная земля засасывала обувь. Пот превратил ее футболку в пищевую пленку. Подколенные сухожилия натянулись, как стальные струны банджо, и жалобно звенели при каждом ударе пятки о землю. Позади она слышала кряхтение отстающих, которые с трудом заставляли себя двигаться дальше. Впереди были самые целеустремленные бойцы категории «А», каждый из них перешел бы вброд реку с пираньями, если бы был хоть однопроцентный шанс, что он придет первым.

Она довольствовалась своим положением в середине отряда – не слабачка, но и не экстремал, – что само по себе было достижением. Два года назад Андреа была бы далеко в хвосте или, что более вероятно, все еще спала бы в своей постели, пока ее будильник звонил бы в пятый или шестой раз. Ее одежда была бы разбросана по маленькой квартирке над гаражом ее матери. Каждое неоткрытое письмо на кухонном столе было бы с пометкой «ПРОСРОЧЕНО» на конверте. Когда она наконец вылезла бы из кровати, она обнаружила бы три сообщения от отца с просьбой перезвонить, шесть – от матери с вопросом, не похитил ли ее серийный убийца, и один пропущенный звонок с работы – о том, что это последнее предупреждение, а потом ее уволят.

– Черт, – пробормотала Пэйсли.

Андреа оглянулась и увидела, что Пэйсли Спенсер отделилась от отряда. Кто-то из отстающих споткнулся. Том Хамфри лежал, распластавшись на спине, и смотрел на деревья. Над лесом поднялся коллективный стон. По правилам, если один из них не финиширует, все должны начинать все заново.

– Вставай! Вставай! – орала Пэйсли, возвращаясь к нему, чтобы то ли подбодрить его, то ли пинками заставить его встать. – Ты можешь! Ну же, Том!

– Побежали, Том! – кричали остальные.

Андреа что-то промычала, но побоялась открывать рот. В ее животе творился хаос, как на палубе тонущего «Титаника». Месяцами она бегала спринты, подтягивалась, прыгала на месте, лазила по канату, делала упор-присед и пробегала примерно одиннадцать миллионов миль в день, но по-прежнему оставалась в легком весе. К ее горлу подступила желчь. Она уже стерла все задние зубы. Она сжала кулаки, огибая последний поворот тропы. Финишная прямая. Еще пять минут, и ей никогда больше не придется пробегать эту изнурительную адскую дистанцию.

Пэйсли пролетела мимо, разогнавшись до максимальной скорости перед финишем. Том вернулся на дистанцию. Они бежали плотным строем. На пределе сил.

Андреа больше неоткуда было брать силы. Она чувствовала, что ее желудок, скорее всего, просто вылезет у нее из глотки, если она поднажмет еще хоть чуть-чуть. Она разомкнула губы, чтобы вдохнуть немного воздуха, но в итоге проглотила стаю мошек. Андреа закашлялась, ругая себя последними словами, потому что ей стоило подумать головой. Она провела двадцать недель, убиваясь в Федеральном тренировочном центре правоохранительных органов в округе Глинн, Джорджия. Учитывая местных москитов, мошек, комаров, жуков размеров с грызунов и грызунов размером с собак и тот факт, что ФТЦПО⁴ Глинко находится чуть ли не посреди болота, ей стоило подумать, прежде чем пытаться вдохнуть.

---

⁴ Федеральный тренировочный центр правоохранительных органов. (Прим. ред.)

Грохот вдалеке ударил ей по ушам. Она сосредоточилась на своих шагах, когда тропинка начала резко спускаться. Грохот превратился в характерное стаккато хлопков и воодушевляющих возгласов. Лидеры прорвались через желтую финишную ленту. Их приветствовали члены семей, которые приехали отпраздновать с ними окончание этой чудовищной пытки в духе Данте, которая была создана, чтобы либо убить их, либо сделать сильнее.

– Черт меня подери, – пробормотала Андреа с искренним изумлением в голосе. Она не умерла. Она не соскочила. Месяцы занятий в классе, от пяти до восьми часов рукопашного боя каждый день, техники наблюдения, типы исполнения ордеров, тренировки с огнестрельным оружием и столько физических нагрузок, что она набрала четыре фунта мышечной массы, – и теперь наконец, невероятно, она была всего в двадцати ярдах от того, чтобы стать представителем Службы маршалов США.

Том пронесся слева от нее, что было чертовски в духе Тома. Назло ему у Андреа открылось второе дыхание. От выплеска адреналина у нее закружилась голова. Ноги начали пружинить. Она обогнала Тома и поравнялась с Пэйсли. Они торжествующе улыбнулись друг другу – трое соскочили в первую неделю, еще троих попросили уйти, один исчез после расистской шутки и еще один – после того, как распустил руки. Она и Пэйсли Спенсер были двумя из всего четырех девушек в классе из сорока восьми человек. Еще несколько шагов, и все закончится, нужно будет только подняться на сцену, чтобы получить диплом.

Пэйсли все-таки опередила Андреа прямо перед тем, как они пересекли черту. Они обе торжествующе вскинули руки в воздух. Огромная, многолюдная семья Пэйсли закричала, как стая журавлей, и заключила ее в теплые объятия. Со всех сторон Андреа видела такие же сцены радости. Все лица в толпе улыбались, кроме двух.

Родители Андреа.

Лора Оливер и Гордон Митчелл со скрещенными на груди руками. Они следили за Андреа глазами, пока незнакомцы поздравляли ее и хлопали по спине. Пэйсли шутливо ударила ее в плечо. Андреа ударила в ответ и заметила, что Гордон достает телефон. Она улыбнулась, но ее отец не пытался сделать фотографию самого большого ее достижения в жизни. Он отвернулся, отвечая на звонок.

– Поздравляю! – крикнул кто-то.

– Я так тобой горжусь!

– Отличная работа!

Губы Лоры превратились в тонкую бледную линию, пока она наблюдала, как Андреа движется сквозь толпу. Ее глаза казались влажными, но это были не слезы гордости, как во время первого музыкального выступления Андреа в школе или получения главного приза на художественной выставке.

Ее мать была раздавлена.

Один из старших инспекторов предложил Андреа бутылку «Гаторейда». Она замотала головой, а потом, стиснув зубы, побежала к рядам синих биотуалетов. Но вместо того, чтобы зайти в один из них, она обогнула их, открыла рот, и ее стошнило, по сути, слизистой ее желудка.

– Че-ерт, – Андреа сплюнула. Ее бесило, что она знает, как обезвредить плохого парня, используя только ноги и кулаки, но не может контролировать свой слабый желудок. Она вытерла рот тыльной стороной ладони. У нее поплыло в глазах. Нужно было взять «Гаторейд» с собой. Если она и научилась чему-то в Глинко, так это не забывать о воде. И еще никогда, никогда не позволяй никому увидеть, как тебя тошнит, потому что здесь ты получишь кличку, которая прилипнет к тебе до конца твоей карьеры. Она не хотела быть Блевой Оливер.

– Энди?

Она обернулась и совсем не удивилась, когда увидела, что мать протягивает ей бутылку воды. Если Лора и была в чем-то хороша, так это в том, чтобы спешить на помощь даже до того, как ее об этом попросят.

– Андреа, – поправила ее Андреа.

Лора закатила глаза, потому что последние двадцать лет Андреа просила называть ее Энди.

– Андреа. Ты в порядке?

– Да, мам. Я в порядке. – Вода в бутылке была ледяная. Андреа прижала ее к затылку. – Ты могла бы хоть притвориться, что рада за меня.

– Могла бы, – согласилась Лора. – А каков порядок действий, когда тебя тошнит? Преступник обязан подождать, пока тебя вырвет, прежде чем изнасиловать и убить?

– Не говори таких гадостей. Они делают это до. – Андреа открутила крышку бутылки. – Помнишь, что ты сказала мне два года назад?

Лора ничего не ответила.

– На мой день рождения?

Лора снова ничего не ответила, хотя ни одна из них никогда не забудет ее тридцать первый день рождения.

– Мам, ты сказала мне подобрать соплю, свалить из твоего гаража и начать жить собственной жизнью. – Андреа развела руками. – Вот как это выглядит.

Лора наконец сломалась.

– Но я не говорила тебе присоединяться к хренову врагу.

Андреа ткнула языком в щеку. Из-за того, как она стиснула зубы, на щеке с внутренней стороны появилось что-то вроде хребта. Ее ни при ком здесь не стошнило. Ни разу. Она была предпоследней в классе по росту, обгоняя Пэйсли всего на дюйм со своими пятью футами шестью дюймами. Они обе были на пятьдесят фунтов легче любого парня, но вошли в лучшие десять процентов выпускников и только что обогнали половину своего класса.

– Дорогая, все это маршальское дерьмо – это такая форма мести, да? – спросила Лора. – За то, что я не держала тебя в курсе?

«Не держала в курсе» было серьезным преуменьшением, ведь Лора в течение тридцати одного года скрывала от Андреа, что ее биологический отец – сумасшедший лидер культа, помешанный на массовых убийствах. Ее мать зашла настолько далеко, что придумала воображаемого биологического отца, который трагически погиб в автокатастрофе. Андреа, возможно, до сих пор бы верила в ее ложь, если бы два года назад Лору не загнали в угол и не заставили сказать правду.

– Ну так что? – настаивала Лора.

За последние два года Андреа выучила очень суровый урок: даже ничего не сказав, можно ранить так же сильно.

Лора тяжело вздохнула. Она не привыкла быть по другую сторону манипуляций. Она уперла руки в бока. Оглянулась на толпу, потом подняла глаза на небо и наконец снова взглянула на Андреа.

– Милая, ты ведь так умна.

Андреа открыла бутылку.

Лора продолжила:

– Сила воли и драйв, благодаря которым ты оказалась здесь, говорят мне, что ты могла бы получить любую работу, какую только захотела. И мне это нравится. Я восхищаюсь твоей хваткой и целеустремленностью. Я хочу, чтобы ты занималась тем, чем горишь. Но это не может быть вот это.

Андреа прополоскала рот водой, прежде чем выплюнуть.

– В школе клоунов сказали, что у меня недостаточно большие ноги.

– Энди, – Лора даже притопнула ногой от раздражения, – ты могла бы вернуться в художественное училище, стать учителем или даже вернуться в кол-центр 9-1-1.

Андреа сделала большой глоток воды. В тридцать лет она приняла бы за чистую монету все, что говорит ее мать. Сейчас она видела только, как ее вводят в заблуждение.

– Значит, либо залезть в еще большие долги, либо сидеть в окружении непослушных детей, либо за девять долларов в час выслушивать жалобы пенсионеров на то, что у них вовремя не вывезли мусор?

Ее мать сохраняла невозмутимость.

– А как же твое искусство?

– О, это золотая жила.

– Ты же любишь рисовать.

– А банк любит, когда я выплачиваю свой студенческий кредит.

– Мы с отцом могли бы помочь...

– С каким отцом?

Тишина между ними превратилась в сухой лед.

Андреа допила воду, пока ее мать меняла тактику. Ей стало паршиво из-за этого последнего выпада. Гордон всегда был – и оставался – потрясающим отцом. До недавнего времени он был единственным отцом, которого знала Андреа.

– Ну, – сказала Лора, повернув часы у себя на запястье, – тебе нужно умыться. Вручение дипломов через час.

– Впечатлена, что ты знаешь расписание.

– Энди... – Лора спохватилась, – Андреа. У меня ощущение, что ты бежишь от самой себя. Как будто считаешь, что если будешь жить в чужом городе и делать эту безумную, опасную работу, то станешь другим человеком.

Андреа отчаянно хотелось, чтобы эта лекция закончилась. Из всех людей ее мать должна была понимать, что иногда надо просто сжечь старую жизнь дотла и построить на пепелище что-то более осмысленное. Лора стремилась стать частью жестокой секты в двадцать один год явно не потому, что ее жизнь находилась в идеальном балансе. И она сдала полиции биологического отца Андреа не потому, что на нее снизошло озарение. И это не говоря уже о событиях двухлетней давности, когда она пришла в дикую ярость от одной мысли, что жизни ее дочери угрожает опасность.

– Мам, – сказала Андреа, – ты должна радоваться, что я внутри.

– Внутри чего? – Лора казалась искренне озадаченной.

– Системы, – ответила Андреа, не найдя более подходящего слова. – Если он когда-нибудь выйдет из тюрьмы, если он когда-нибудь снова вмешается в нашу жизнь, за мной будет стоять вся Служба маршалов США.

– Он не выйдет из тюрьмы, – Лора замотала головой прежде, чем Андреа закончила говорить. – А даже если и выйдет, мы сможем постоять за себя.

Ты сможешь, подумала Андреа. В этом и была проблема. Когда все летело в тартарары, у Лоры падало забрало и она лезла в самое пекло, а Андреа съеживалась в уголке, как ребенок, играющий в прятки. Она не хотела чувствовать себя такой беспомощной, если – когда – ее отец снова обратит на них свое смертоносное внимание.

– Милая, – предприняла очередную попытку Лора – мне нравится то, какой ты человек сейчас. Я люблю свою чувствительную, тонкую, добрую девочку.

Андреа закусила губу. Она услышала новые возгласы, которыми встретили последних оставших, пришедших к финишу. Студентов, с которыми тренировалась Андреа. Студентов, которых она обошла почти на десять минут.

– Андреа, позволь мне дать тебе тот же непрошенный совет, который мне дала моя мать. – Лора никогда не говорила о своей семье, а о прошлом и подавно. Так что ей не пришлось доби-

ваться безраздельного внимания Андреа. – Я была моложе, но именно такой, какая ты сейчас. Я подходила к каждому испытанию в жизни, словно это обрыв, с которого мне обязательно надо прыгнуть вниз.

Андреа не хотела признавать, что это звучит знакомо.

– Я считала, что я такая храбрая, такая отчаянная, – продолжала Лора. – Мне понадобилось много лет, чтобы понять, что, когда ты падаешь, ты полностью теряешь контроль. Ты просто подчиняешься силам гравитации.

Андреа заставила себя пожать плечами:

– Я никогда не боялась высоты.

– Почти то же самое я сказала своей матери, – Лора улыбнулась своим тайным воспоминаниям. – Она знала, что я не бегу навстречу чему-то. Я бежала от всего – и в первую очередь от себя. И знаешь, что она мне сказала?

– Полагаю, ты сейчас сообщишь мне.

Лора, все еще улыбаясь, нежно взяла лицо Андреа в свои ладони.

– Она сказала: *«Куда бы ты ни шла, ты будешь там»*.

Андреа видела тревогу в глазах матери. Лора боялась. Она пыталась защитить Андреа. Или, может быть, она пыталась манипулировать ею, как всегда.

– Боже, мам, – Андреа сделала шаг назад. – Кажется, из нее вышла бы отличная бабушка. Жаль, у меня не было возможности познакомиться с ней.

Судя по тому, как исказилось лицо Лоры, Андреа ранила ее слишком глубоко. Это было для них в новинку – словесные перепалки, во время которых их языки превращались в острые лезвия.

Андреа слегка сжала руку матери. Они больше не могли мириться с помощью слов. Они просто лепили пластырь и оставляли рану гноиться до следующего раза.

– Мне нужно найти папу.

– Ага. – В голосе Лоры звучали сдерживаемые слезы.

Андреа мысленно ругала себя, пока возвращалась к толпе. А потом начала ругать себя за то, что ругала себя, потому что какой в этом на хрен был смысл?

Она бросила пустую бутылку в мусорный контейнер, принимая новые поздравления и похлопывания по спине от совершенно незнакомых людей. Взгляд Андреа долго блуждал в океане преимущественно белых лиц, пока она не заметила отца, стоявшего в одиночестве поодаль. Он был выше большинства отцов, и его худощавое тело и небольшая борода придавали ему неуловимое сходство с Идрисом Эльбой, если бы Идрис Эльба был нудноватым юристом по сделкам с недвижимостью и трастам, президентом местного астрономического клуба и слишком много говорил о джазе.

Андреа вся взмокла от пота, а на Гордоне был один из его итальянских костюмов от Эрменеджильдо Дзенья, но тем не менее он крепко обнял ее и поцеловал в макушку.

– Пап, я грязная.

– Для этого и нужны химчистки. – Он снова поцеловал ее в голову, прежде чем отпустить. – Я так горжусь тем, чего ты здесь добилась, милая.

Она обратила внимание на его очень точный выбор слов. Он не гордился тем, что она стала федеральным агентом. Он гордился тем, что она выполнила поставленную задачу, точно так же как гордился, когда она смогла аккуратно обвести свою руку по контуру, чтобы нарисовать индейку в детском саду.

– Пап, я... – попыталась она.

Он покачал головой. Он улыбался, но Андреа разбиралась в улыбках своего отца.

– Давай лучше поговорим о том, насколько некомфортно чувствует себя твоя мать. Думаю, мы оба находим в этом что-то забавное.

Андреа обернулась и увидела, как ее мать нервно пробирается сквозь строй вооруженных мужчин. Старшие инспекторы были одеты в темно-синие поло с нашивками Службы маршалов на карманах. На ремнях бежевых брюк сверкали бляхи с «серебряной звездой» СМ США. К бедру каждого инспектора был пристегнут «глок».

Один из самых дружелюбных инспекторов заговорил с Лорой. Гордон усмехнулся, увидев ее лихорадочные попытки взять себя в руки, но Андреа слишком дерьмово повела себя с матерью, чтобы наслаждаться, наблюдая, как она извивается.

– Я не знаю, – сказала Андреа.

Гордон внимательно посмотрел на нее сверху вниз.

– Если тебя интересует, зачем я делаю это, то ответ такой: я не знаю. – Она почувствовала, что после этого признания у нее словно гора с плеч свалилась. До сих пор она не позволяла себе произносить это вслух. Возможно, непрошенный совет Лоры развязал ей язык. – На сознательном уровне, у себя в голове, я цеплялась за объяснения вроде того, что звание маршала даст мне какую-то цель в жизни или что я должна попробовать возместить весь тот ущерб, который пытались причинить мои биологические родители, но, если честно, все, что я делала, – это просто поочередно переставляла ноги, убеждая себя, что лучше бежать вперед, чем падать.

Как всегда, Гордон тщательно обдумал свои слова, прежде чем заговорить.

– Сначала я думал, что ты хочешь позлить свою мать, и ты молодец, потому что этого ты точно добилась, но четыре месяца физической дисциплины и интенсивной учебы обычно не относят к классическим признакам бунта.

В его рассуждениях был смысл.

– Ну, перспектива нюхать фентанил или залететь от банды байкеров меня не сильно привлекала.

Судя по выражению лица Гордона, он не оценил шутку.

– Имеет смысл предположить, что ты хочешь получить ответы о первых годах своей жизни.

– Наверное, – ответила Андреа, хотя это возможное объяснение было только одним из многих.

Служба маршалов США, частью которой теперь была Андреа, контролировала программу безопасности свидетелей, более известную как «защита свидетелей». Согласие Лоры свидетельствовать против отца Андреа привело их обеих в эту программу, хотя Андреа еще даже не родилась, когда ее мать подписала документы. В обмен на показания против отца Андреа Лора получила возможность придумать трагическую историю о своем вдовстве в прибрежном городке в Джорджии. Вместо того чтобы прослыть хладнокровной преступницей, она создала легенду о том, что она специалист по нарушениям речи из маленького городка и ее антиправительственные настроения идеально подходят для работы с разочаровавшимися ветеранами войны, которые лечились в специализированных госпиталях.

К сожалению, на второй неделе обучения в маршальской школе Андреа выяснила, что все записи по защите свидетелей в СМ США строго засекречены. Абсолютно никто не может получить к ним доступ без веского, юридически обоснованного объяснения. Это не иллюминаты. Ты не узнаешь все тайны мира, просто вступив в клуб.

– В любом случае, – Гордон знал, когда нужно сменить тему, – маршальские значки очень впечатляют. Прямо Уайатт Эрп⁵.

– Он называется «Серебряная звезда». А Уайатт Эрп не был маршалом, пока кто-то не попытался убить его брата, – Андреа не могла остановиться. Инструкторы вдолбили им в

---

⁵ *Уайатт Эрп* (англ. Wyatt Earp, 1848–1929) – американский страж порядка времен Дикого Запада. Получил известность благодаря книгам и кинофильмам в жанре вестерн.

головы историю МШ США так, что она лезла из всех щелей. – Вирджил Эрп был заместителем шерифа во время перестрелки у корраля О. К.

– Мои комплименты вашим преподавателям: они заставили вас раскрыть учебник. – Улыбка Гордона по-прежнему выглядела натянутой, но он продолжил: – Стартовой зарплаты хватит на жизнь. Гарантированное повышение через год. Дальше последуют еще повышения. Оплачиваемые отпуска. Больничные. Медицинская страховка. Обязательный уход на пенсию в пятьдесят семь лет. Ты можешь использовать свой опыт и консультировать, пока не решишь окончательно уйти на покой.

Он старался, поэтому она тоже решила постараться.

– Мы ловим только по-настоящему плохих парней.

Он вскинул брови.

– Мы знаем, с кем имеем дело, – объяснила она. – Это не как местная полиция, которая гонится за водителем, превысившим скорость, и не знает, преследует она члена наркокартеля или парня, опаздывающего на тренировку по софтбоулу.

Гордон ждал, что она скажет дальше.

– У нас есть их имена и криминальные досье. Судья выдает нам ордер и посылает за ними, – она пожала плечами. – Или мы сопровождаем преступников в здание суда. Или конфискуем имущество белых воротничков. Или следим за тем, чтобы педофилы занимались тем, чем им положено заниматься. Мы не то чтобы ведем расследования. Если только нас не вызывают, чтобы разобраться с очень специфическими деталями. В основном мы имеем дело с людьми, которые уже осуждены. Мы знаем, кто они.

Гордон снова кивнул, но скорее обозначая, что слышит ее, чем соглашаясь с ней.

Она спросила:

– Ты знаешь такую картину – «Проблема, с которой все мы живем»?

– Норман Роквелл, 1964 год, холст, масло. – Гордон знал эту картину. – Вдохновением для работы послужила история шестилетней Руби Бриджес, которую интегрировали в начальную школу для белых в Новом Орлеане.

– Ты знал, что мужчины, которые сопровождают ее, это маршалы США?

– Правда?

Андреа пересказала ему все факты, которые знала на данный момент.

– Маршалы обеспечивают безопасность судей Верховного суда и иностранных делегаций. В их задачу входит защита олимпийских спортсменов. И ученых в Антарктике. Это старейшее федеральное правоохранительное агентство в стране. Джордж Вашингтон лично назначил тринадцать первых маршалов.

Лора выбрала именно этот момент, чтобы присоединиться к семье.

– А еще они охотились за беглыми рабами и возвращали их владельцам. И управляли лагерями для интернированных американцев японского происхождения во время Второй мировой войны. И...

– Лора, – остановил ее Гордон.

Андреа смотрела себе под ноги. Она слышала, о чем говорят другие родители со своими детьми, и ни одна из этих бесед не была такой неприятной, как эта.

– Милая? – Гордон подождал, пока Андреа поднимет глаза. – Я поддерживаю тебя. Ты всегда можешь рассчитывать на мою поддержку. Тебе не нужно убеждать меня.

– Ой, ну что за хрень, – пробормотала Лора.

Гордон положил руку на плечо Андреа.

– Просто пообещай мне, что всегда будешь помнить, кто ты.

– Да, – сказала Лора, – не забывай, кто *именно* ты.

Они явно говорили о разных вещах, но Андреа не собиралась начинать дискуссию по этому поводу.

– Мистер Митчелл. Мисс Оливер. – Еще один маршал возник перед ними из ниоткуда. На нем был строгий костюм, пистолет был спрятан под пиджаком. Майк подмигнул Андреа, будто прошло две секунды, а не год и восемь месяцев с тех пор, как они виделись в последний раз. – Я Майкл Варгас, инспектор СМ США. Вы, должно быть, очень гордитесь своей дочерью.

– Варгас? – Лора отшатнулась при виде Майкла. Он был ее куратором в программе защиты свидетелей, и она доверяла ему примерно так же, как и любым другим представителям власти. – Это еще один псевдоним или вы наконец говорите правду?

Андреа бросила взгляд на мать.

– Правду по поводу чего?

– Агент Варгас, приятно познакомиться, – Гордон пожал Майку руку, притворившись, что они никогда раньше не встречались, потому что именно так работает защита свидетелей. Даже инструкторы Андреа не знали, что она выросла в программе. Она сомневалась, что сам директор был в курсе.

– Мисс Оливер, – Майк знал, что Лора не пожмет ему руку, – поздравляю. Вижу, вы сияете от гордости.

– Мне нужно выпить, – сказала Лора и ушла искать бар в федеральном тренировочном центре в 10:30 утра. Лора всегда ошетикивалась, сталкиваясь с представителями власти, но тот факт, что Андреа присоединилась к тем, кто более тридцати лет следил за каждым ее шагом, превратил ее в дикобраза с базуккой.

Майк подождал, когда она уйдет достаточно далеко, чтобы не слышать их.

– Только не говорите ей, что маршалы поддерживали сухой закон.

Гордон снова сжал плечо Андреа, прежде чем тоже уйти.

Майк проводил его взглядом и сказал Андреа:

– По крайней мере, твоя мать явилась. Это уже что-то.

Она не держала рот на замке, пытаясь сохранить хоть какую-то видимость самообладания. Андреа была потной и липкой после бега, но жар, растекавшийся по ее телу, был связан исключительно с Майком. Они встречались четыре очень насыщенных месяца, пока она не исчезла из его жизни. Это решение было столь же мучительным, сколь и необходимым. Майк был частью той ее старой жизни, в которой, как любезно напомнила ей любимая мать, Андреа не встречала ни одной вершины, с которой ей не удалось бы свалиться. Ей не нужен был мужчина с комплексом спасателя, всегда готовый поймать ее при падении. Ей надо было научиться спасать себя самой.

Так что, возможно, *поэтому* она стала маршалом.

Это объяснение было ничем не хуже других.

– Что думаешь по поводу моего сексуального нового имиджа? – спросил Майк, почесывая бороду, потрясаяще ухоженную, темную и густую. – Нравится?

Ей охренеть как нравилось, но она пожала плечами.

– Давай пройдемся, – Майк слегка хлопнул ее по плечу, чтобы они пошли вперед, но сначала оглянулся на Лору и Гордона, между которыми явно разгорелась оживленная дискуссия. – Они снова встречаются?

Так и было, но Андреа не собиралась сообщать надзирателю своей матери какую-либо информацию.

Майк предпринял еще одну попытку:

– Я рад, что Гордон поддерживает твоё решение присоединиться к хорошим парням.

Гордона, темнокожего мужчину с дипломом Лиги плюща по юриспруденции, пробивал холодный пот каждый раз, когда он видел полицейского в зеркале заднего вида.

– Мой отец всегда поддерживал меня, – сказала она.

– Как и твоя мать, – Майкл усмехнулся в ответ на ее скептический взгляд. То, что он принимал сторону Лоры, хотя несколько лет назад чуть не лишился из-за нее работы, либо сви-

детельствовало о его невозмутимости, либо было признаком посттравматической амнезии. – Ты бы с ней полегче. Эта работа может быть довольно рискованной. И Лоре об этом известно лучше всех. Она боится, что ты можешь пострадать.

Андреа решила увести разговор в сторону от своей личной жизни.

– Могу поспорить, твоя мать закатила огромную вечеринку, когда ты выпустился.

– Так и было, – ответил Майк. – А потом я нашел ее в кладовке, где она навзрыд плакала от страха, что со мной что-нибудь случится.

Андреа почувствовала укол совести. Она была так одержима завершением своей маршальской подготовки, что даже не подумала, что у Лоры могут быть другие причины не принимать этот недавний жизненный выбор своей дочери, кроме очевидных. Можно было много чего сказать про ее мать, но глупой Лора Оливер не была.

– Скажи-ка мне вот что. – Он подвел ее к административному зданию. – Мы так и будем притворяться, что ты не страдаешь и не жалеешь, что бросила меня полтора года назад?

Андреа скорее притворялась, что Майк не возбуждает ее... До такой степени, что она не знала, кричать ли ей его имя или разрыдаться.

Если ей не изменяла память, они оба делали понемногу и то, и другое.

– Эй, – он снова игриво толкнул ее в плечо. – Я думаю, этот вопрос заслуживает ответа.

И она ответила:

– Я думала, между нами не было ничего особенного.

– Вот как? – Майк поспешил вперед, чтобы открыть перед ней стеклянную дверь. – «Ничего особенного» обычно не включает поездку в Западную, прости господи, Алабаму ради твоего знакомства с моей матерью.

Его мать была полной противоположностью Лоре – что-то вроде Джун Кливер⁶ с внешностью Риты Морено⁷ и намеком на Лорелай Гилмор⁸.

И все же Андреа сказала:

– «Ничего особенного» подразумевает много чего.

– Не помню, чтобы я получал такие сообщения. Это было эсэмэс? Автоответчик?

– Почтовый голубь, – съязвила она. – Птичка не напела?

В унылом офисном здании не горел свет, зато там работал кондиционер, поэтому Андреа оно показалось самым прекрасным местом на свете. Она чувствовала, как ее кожу покалывает от остывающего пота.

Майк, сохраняя не свойственную ему молчаливость, прошел по коридору и открыл дверь на лестницу. Андреа пропустила его вперед, отчасти во имя феминизма, отчасти чтобы полюбоваться видом сзади. Гладкие мускулы его ног напрягались под сшитыми на заказ брюками. Его сильная рука крепко хваталась за перила, когда он перешагивал через две ступеньки за раз. Андреа спала с мальчиками до Майка, но он был ее первым настоящим мужчиной. Он был так умен, так чертовски уверен в себе. Рядом с ним просто не оставалось места, чтобы быть такой же.

Он открыл дверь наверху лестницы:

– Сначала птички, потом злючки.

Видимо, злючкой была она, потому что Майк прошел первым. Она прищурилась, вглядываясь в темный коридор и пытаясь понять, какого черта они тут делают. Это был его дар –

---

⁶ *Джун Кливер* (англ. June Cleaver) – главная героиня сериала «Оставь это Биверу» («Leave It to Beaver»), которая воплощает в себе образ идеальной жены, матери и домохозяйки из американского пригорода 1950-х годов.

⁷ *Рита Морено* (англ. Rita Moreno) – американская актриса и певица пуэрто-риканского происхождения, звезда фильмов «Вестсайдская история», «Король и я» и многих других.

⁸ *Лорелай Гилмор* (англ. Lorelai Gilmore) – героиня американского сериала «Девочки Гилмор», гордая и независимая мать-одиночка.

из-за Майка у нее совершенно отключалось здравомыслие. Сейчас она уже должна выходить из душа. Она опоздает на собственный выпускной.

Она спросила:

– Куда ты меня ведешь?

– Это ты у нас любишь сюрпризы.

Ее отношение к сюрпризам было полностью противоположным, но она все равно зашла вслед за ним в пустую переговорную.

Свет был выключен. Майкл открыл жалюзи, чтобы впустить солнечный свет.

– Садись, – сказал он.

Технически он был выше ее по званию, но Андреа никогда не собиралась подчиняться приказам Майка.

Она прошлась по комнате, в которой проходили занятия по слежке и задержанию беглых преступников. Белые доски были вытерты начисто, потому что уроки закончились. Портреты в рамках изображали маршалов прошлого. Роберт Форсайт, который в 1790-х годах стал первым маршалом, убитым при исполнении. Помощник шерифа Басс Ривз, первый черный маршал, несший службу на рубеже прошлого века. Фиби Казинс, которая не только была первой женщиной-маршалом США, но и одной из первых женщин, окончивших юридический университет в Америке.

Но самым большим изображением в рамке был постер фильма 1993 года «Беглец» с Харрисоном Фордом в роли беглого заключенного и Томми Ли Джонсом в роли маршала, который его преследует. По мнению Андреа, это было лучше, чем огромный постер «Воздушной тюрьмы» с Николасом Кейджем, который украшал комнату отдыха в ее общежитии. Голливуд не часто одаривает маршалов своим вниманием.

Майк стоял перед гигантской картой мира. Синими булавками обозначались пункты расположения СМ США. Служба представляла собой тесное сообщество из примерно трех тысяч агентов, работающих по всему миру. Все они либо знали друг друга лично, либо знали кого-то, кто знал кого-то лично. От внимания Андреа не ускользнуло, что ее побег от Майка привел ее к работе, где она неизбежно столкнется с ним снова.

– Куда ты подала документы? – спросил он.

Андреа не обращалась с конкретным запросом. Она получит назначение после выпуска.

– Я попросила место где-нибудь на западе.

– Далеко от дома, – сказал он, прекрасно понимая, что в этом и была суть. – Ты уже решила, что хочешь делать?

Она пожала плечами:

– Зависит от ситуации, нет?

Надо отдать им должное, СМ США действительно заинтересована в том, чтобы ты выполнял интересную тебе работу, поэтому в течение первого года ты постоянно меняешь занятия. В течение двух недель ты делаешь что-то новое, так что пробуешь всего понемногу – гоняешься за беглыми заключенными, работаешь судебным охранником, взыскиваешь долги, сопровождаешь и выполняешь транспортировку осужденных, наблюдаешь за сексуальными преступниками, принимаешь участие в программе по поиску пропавших детей и, конечно, работаешь в программе по защите свидетелей.

Андреа надеялась, что над ее головой зажжется гигантская лампочка, когда она найдет свое призвание. А не получится, так у нее хотя бы всегда есть прекрасные перспективы на пенсию и оплаченные отпуска.

Майк сказал:

– Эти офисы на западе просто крошечные. Персонала, на который можно положиться, тоже не хватает. Наверное, будешь в основном таскать их туда-сюда.

Он имел в виду транспортировку осужденных. Андреа пожала плечами:

– Нужно с чего-то начинать.

– Это факт. – Майкл медленно подошел к окну. Он взглянул на поле для тренировок. – Еще несколько минут. Почему бы тебе не присесть?

Андреа должна была потребовать, чтобы он говорил более определенно, но вместо этого она просто пялилась на его широкие плечи. Самое сексуальное в Майке Варгасе – это не его мускулистое тело, не его глубокий голос и даже не его охрененная новая борода. Он как-то так разговаривал с Андреа, что она чувствовала, будто она единственный человек на свете, с которым он когда-либо чем-то делился. Например, что он любит магический реализм, но книги про драконов кажутся ему неубедительными. Что он боится, когда ему щекочут пятки, и ненавидит мерзнуть. Что он иногда терпеть не может своих трех старших сестер-командиров, но на самом деле любит их всем сердцем. Что когда он был ребенком, его святая мать трудилась на двух работах, чтобы прокормить семью, но он с удовольствием обошелся бы без еды, чтобы проводить с ней побольше времени. Что он соврал Андреа о своем отце, когда они впервые говорили о семьях.

Что Майку было десять лет, когда его отец проснулся среди ночи, напал на того, кого посчитал грабителем, и случайно выстрелил в голову брату-подростку Майка.

Что иногда Майк до сих пор слышит душераздирающий *стук*, с которым мертвое тело его брата упало на деревянный пол.

Что иногда Майку кажется, что он слышит другой *стук* – с которым упало тело его отца, когда неделю спустя он покончил с собой, выстрелив из того же пистолета.

– Ой, чуть не забыл. – Майк улыбался, когда повернулся к ней. – Я хотел дать тебе совет. Андреа обожала этот его дразнящий тон.

– О, мое любимое – непрошенные советы.

Его улыбка превратилась в хитрую ухмылку.

– Где бы ты ни оказалась, окажи себе услугу и говори всем, что мы встречаемся.

Она искренне расхохоталась.

– Каким образом это окажет мне услугу?

– Ну, во-первых, посмотри на меня, – он раскинул руки. – Я просто сногшибателен.

Тут он не ошибался.

– А во-вторых?

– Парни в твоём новом офисе будут теряться в догадках, почему ты не спишь с ними. – Он прислонился спиной к окну. – Они начнут гадать: не из внутренней ли она службы? Она шпионит за мной? Я могу ей доверять? Или она лесбиянка? Почему она не ходит на свидания? Что она скрывает? Ее подружка красивее меня?

– Других вариантов нет? Я либо шпионка, либо лесбиянка? Не может быть такого, что мне просто неинтересно?

– Малышка, это маршалы США. Конечно, тебе интересно.

Андреа покачала головой. Единственное, чем в Глинко несло сильнее, чем потом и лосьонами, – это тестостероном.

– Похоже, моего почтового голубя проглотило твоё эго.

Его глаза сверкнули в солнечном свете.

– Это объясняет, почему я не могу избавиться от твоего вкуса у себя во рту.

Они оба вздрогнули, когда в комнату заглянул человек в черном костюме, с торчащим из уха проводом и выправкой федерального агента в стиле «у меня палка в жопе». Продемонстрировав лысую голову, он оглянулся, кивнул и вышел.

– Прошу прощения, я опоздал. – На этот раз в комнату вошел солидный пожилой мужчина, и из помещения как будто выкачали весь воздух. Он протянул изящную руку Андреа. – Приятно наконец познакомиться с тобой, Андреа. Я так горжусь тем, что ты продемонстрировала в тренировочном центре. Это большое достижение.

Ей пришлось прикусить губу, чтобы челюсть попросту не отвисла. Он не представился, но она узнала его – разумеется, она его узнала. Он был серьезным претендентом на пост президента США во время последних предварительных выборов, пока не разразился скандал, который вышиб его из гонки. Ему повезло снова встать на ноги, и теперь он был младшим сенатором от штата Калифорния.

А еще, как недавно узнала Андреа, он был старшим братом Лоры, то есть формально дядей Андреа.

– Вы не... – Она запнулась. – Вы не видели мою мать?

Ботоксные брови Джаспера Квеллера дернулись.

– Она здесь?

– С моим отцом. Гордоном. Они, э... – Андреа была вынуждена присесть. Она забыла, что Майк тоже был там, пока он не представился Джасперу. Ей хотелось затолкать ему яйца в глотку за то, что привел ее сюда. А еще ей хотелось как следует треснуть себя за то, что попала в его ловушку, потому что Джаспер явно оказался здесь не случайно.

Все это было спланировано.

Андреа услышала эхо вопроса, который ей задали два года назад, когда ее жизнь пошла наперекосяк:

«Господи, девочка. Ты всю жизнь провела с рыболовным крючком во рту?»

Тогда она ответила утвердительно. И не было никакого оправдания тому, чтобы она снова клюнула на ту же удочку два года спустя.

Она спросила Джаспера:

– Зачем вы здесь?

Майк рассудил, что сейчас самое время выскользнуть за дверь.

Джаспер положил на стол тонкий кожаный кейс. В звонком щелчке открывшихся позолоченных застежек звучали деньги. Она не знала, кто шил ему костюм, но этот человек на самом деле держал в руках настоящую иглу. Вероятно, перед ней было материальное воплощение ее студенческого долга в полном объеме.

Он указал на стул.

– Позволишь?

Андреа не нужно было сверяться со схемой субординации на стене. СМ США – это бюро, которое подчиняется комитету Сената США по судебной власти, состоящему из двадцати двух сенаторов, один из которых сейчас спрашивает разрешения сесть напротив.

– Пожалуйста. – Она попыталась небрежно махнуть рукой, но вместо этого ударилась ею о стол. Несмотря на охлаждавший воздух кондиционер, она почувствовала, как по спине скатилась капля пота. Она с трудом сдерживала эмоции. Лора с катушек бы слетела, если бы узнала, что ее дочь и ее брат сейчас находятся в одной комнате. Неважно, насколько она была зла на свою мать, сейчас она не видела перед собой выбора. Она никогда, никогда не встанет на сторону Джаспера.

– Андреа, я хотел бы начать с того, как мне жаль, что мы не встретились раньше. – Даже когда он сидел, была заметна его военная выправка, хотя он не надевал форму уже несколько десятилетий. – Я надеялся, что ты свяжешься со мной.

Андреа всмотрелась в тонкие морщинки в уголках его глаз. Он был на шесть лет старше Лоры, но у него был такой же благородный нос и высокие скулы, как у нее.

– Зачем мне с вами связываться?

Он коротко кивнул.

– Хороший вопрос. Полагаю, твоя мать была против.

Правда – эффективное оружие.

– Мы никогда не поднимали эту тему.

Джаспер посмотрел на нее из-за своего открытого кейса. Он достал оттуда папку. Положил ее на стол. Закрыв кейс и поставил его на пол.

Андреа изо всех сил удерживалась, чтобы не спросить про папку, потому что он явно хотел, чтобы она спросила.

– Я опоздаю на выпускной.

– Поверь мне, без тебя не начнут.

Андреа стиснула зубы. Тесный мирок Службы маршалов стал еще теснее. Скоро она окажется в толпе профессиональных следователей, которые будут задаваться вопросом, почему сенатор США задержал начало выпускного, чтобы побеседовать с Андреа Оливер.

– Это правда нечто – увидеть тебя лично. – Джаспер откровенно разглядывал ее лицо. – Ты сильно напоминаешь свою мать.

– Почему это не похоже на комплимент?

Он улыбнулся.

– Я полагаю, это лучше, чем сравнение с твоим отцом.

Андреа подумала, что он прав.

– Собственно, именно из-за него я здесь. – Джаспер постучал по папке. – Как ты знаешь, дополнительные обвинения, которые были выдвинуты против твоего отца два года назад, закончились судом, но мнения присяжных разделились. Министерство юстиции больше не будет этим заниматься. А между тем срок его первоначального приговора истекает. Статья о заговоре с целью организации актов внутреннего терроризма была актуальна до одиннадцатого сентября. Заговор с целью убийства дает всего несколько лет, и хотя показания твоей матери и были полезны, их явно было недостаточно, понимаешь? На самом деле нам сейчас было бы чуть ли не легче, если бы преступления твоего отца удались.

Андреа не оценила выпад в сторону Лоры, но на автомате пожала плечами. Впереди у Ника Харпа было еще пятнадцать лет из его сорокавосемилетнего срока.

– И?

Джаспер ответил:

– Твой отец снова собирается ходатайствовать о досрочном освобождении через шесть месяцев.

Что-то в его тоне заставило Андреа съежиться. Единственное, что позволяло ей спокойно спать по ночам, – это уверенность, что Ник находится за решеткой.

– У него и раньше были слушания по досрочному освобождению. Ему всегда отказывают. Почему вы думаете, что в этот раз будет по-другому?

– Я бы сказал, что общее отношение к внутреннему терроризму в последнее время несколько поменялось, особенно в исторически более консервативных комиссиях по досрочному освобождению, – Джаспер покачал головой с таким видом, будто сенатор США мало на что в мире мог повлиять. – Раньше у меня была возможность предотвратить его условно-досрочное освобождение, но на этот раз у него действительно может быть шанс.

– Серьезно? – Андреа даже не пыталась скрыть свой скепсис. – Вы контролируете Федеральное бюро тюрем.

– Вот именно, – подтвердил Джаспер. – Так что будет выглядеть несколько предосудительно, если я попытаюсь оказать какое-либо давление.

В горле у Андреа пересохло. Ее трясло от страха при мысли, что Ник может выбраться на свободу, а еще она злилась на Джаспера за эту засаду.

– Извините, сенатор, но мы оба знаем, что вы делали предосудительные вещи и раньше.

Он снова улыбнулся.

– Очень в духе твоей матери.

– Да идите вы со своими сравнениями. – Андреа перегнулась через стол. – Вы знаете, что он сделал с нами в прошлый раз? Он монстр. Погибли люди. И это при том, что он был в

тюрьме. Вы представляете, что он сделает, когда выйдет? Он придет прямо за моей матерью. И за мной.

– Замечательно. – Джаспер отзеркалил жест Андреа и пожал плечами. – Кажется, мы все заинтересованы в том, чтобы его тюремное заключение продолжалось.

Андреа решила сменить тактику, потому что изобразить из себя хладнокровную суку у нее явно не получались.

– Что вы хотите от меня?

– Напротив, я пришел кое-что тебе отдать. – Он убрал руку с папки. Андреа видела этикетку на ней, но не могла разобрать слов. – Я хочу помочь тебе, Андреа. И помочь семье.

Она понимала, что он имеет в виду Лору, хотя еще ни разу не произнес ее имя.

Джаспер сказал:

– Ты попросила, чтобы тебя отправили на Западное побережье.

Она яростно замотала головой. Последнее, что ей было нужно, – это работа в домашнем штате своего дяди.

– Меня не интересует...

– Пожалуйста, дослушай меня, – он поднял руку. – Я подумал, не предпочтешь ли ты что-нибудь поближе, например офис в Балтиморе.

Андреа замолчала, почувствовав внезапный прилив тревоги.

– В этом округе есть федеральный судья, которому поступают серьезные угрозы. Кто-то отправил посылку с мертвой крысой ей домой в Балтимор. – Джаспер сделал небольшую паузу. – Возможно, ты слышала об этом в вечерних новостях.

Андреа ничего такого не слышала, потому что ни один человек ее возраста не смотрит вечерние новости.

Джаспер продолжил:

– Судью назначал еще Рейган. На самом деле она одна из немногих, кто еще жив. Предыдущая администрация сильно давила на нее, чтобы она ушла на пенсию, но это окно теперь для нее закрыто.

Андреа никогда не интересовалась политикой, но знала, что в обязанности СМ США входит охрана федеральных судей.

– История ее назначения на пост весьма трагична. За неделю до слушания по утверждению на должность пропала ее дочь. А на окраине города в мусорном контейнере нашли тело. Лицо девушки было обезображено. Сломаны два позвонка в шее. Ее удалось опознать только по записям дантиста. Это была дочь судьи.

Андреа почувствовала, что у нее начинает покалывать ступни, словно она стоит на краю крыши очень высокого здания.

– Невероятно, но девочка выжила. – Джаспер сделал паузу, будто один этот факт был достоин уважения. – Хотя «выжила» – это условное выражение. С медицинской точки зрения она находилась в вегетативном состоянии, но при этом она была беременна. Насколько мне известно, они так и не выяснили, кто отец. Ей сохраняли жизнь, используя системы жизнеобеспечения, еще почти два месяца – пока не появилась возможность безопасно извлечь ребенка.

Андреа изо всех сил прикусила губу, чтобы не затрястись.

– К этому времени история несчастной девочки получила большой резонанс. Эти трагические обстоятельства послужили отличным толчком для назначения ее матери. Рейган тогда серьезно выступал против абортот и сделал это частью своей платформы. До него это никого особо не заботило. Бушу пришлось отказаться от своей программы планирования семьи, чтобы занять место вице-президента. – Джаспер, кажется, заметил нетерпение Андреа, ожидавшей, когда он наконец-то перейдет к делу. – Судья и ее муж вырастили этого ребенка. Я говорю «ребенка», но сейчас ей сорок лет. У нее собственная дочь. Дочь-подросток, если быть точнее. Говорят, она сущее наказание.

Андреа повторила уже заданный вопрос:

– Зачем вы здесь?

– Думаю, на самом деле ты хочешь знать, *«какое отношение это имеет к моему отцу?»*. –

Его рука снова легла на загадочную папку. – Федеральные суды сейчас на летних каникулах. Как обычно, судья и ее супруг вернулись в свой семейный особняк, где проведут ближайшие два месяца. Дом охраняют две команды Службы маршалов США – одна в ночную смену, другая в дневную, – пока специальный судебный инспектор расследует угрозы в штаб-квартире в Балтиморе. Служба в охране – это на самом деле совсем не сложно. Воспринимай это как работу няней. К тому же Лонгбилл-Бич – красивый городок. Я полагаю, ты знаешь, где это?

Андреа пришлось прочистить горло, прежде чем она смогла ответить.

– Делавэр.

– Совершенно верно. На самом деле Лонгбилл-Бич – это город, где вырос твой отец.

Андреа сложила воедино оставшиеся детали.

– Вы думаете, что сорок лет назад Ник Харп убил дочь судьи.

Джаспер кивнул.

– У убийства нет срока давности. Обвинительный приговор упрячет его за решетку до конца жизни.

Андреа услышала эхо этих слов в своей голове – *за решетку до конца жизни*.

Джаспер продолжил:

– Ходили слухи, что он отец ребенка. Она прилюдно высказывала ему претензии в ночь своего исчезновения. Они поругались на глазах у нескольких свидетелей. Он вербально и физически угрожал ей. А через несколько дней после того, как ее тело было опознано, он уехал из города.

Андреа почувствовала, что у нее перехватило горло. Ей хотелось узнать больше деталей, но все, о чем она могла думать, – что Ник Харп был отцом еще одного ребенка.

А потом бросил его.

– Посмотри сама. – Джаспер наконец расстался с папкой и пододвинул ее к Андреа.

Она оставила закрытую папку лежать между ними на столе. Теперь она могла прочесть надпись на этикетке:

«ЭМИЛИ РОУЗ ВОН Дата рождения: 5/1/62. Дата смерти: 6/9/82».

Она так долго смотрела на имя девочки, что у нее помутнело в глазах. Голова пошла кругом. Она пыталась сфокусироваться – убийство, без сроков давности, Ник будет за решеткой до конца жизни, – но постоянно возвращалась к одной и той же мысли: не ловушка ли это? Она не могла доверять Джасперу. Как научил ее горький опыт, на самом деле она не могла доверять никому.

– Ну так что, – сказал Джаспер. – Тебе не любопытно?

Любопытство – это не совсем то, что она испытывала в данный момент.

Испуг. Опасения. Злость.

Сорокалетняя одиноковная сестра, которая выросла в курортном городке, как и сама Андреа. Еще один ребенок, который никогда не раскроет загадок своей матери. Отец-садист, который разрушил их жизни, а потом просто перешел к следующей жертве.

Дрожащая рука Андреа потянулась к папке. Пальцы коснулись толстой обложки. На первой странице была фотография симпатичной юной блондинки, беззаботно улыбающейся в камеру. Ее залитая лаком химзавивка и голубые тени определенно помещали ее в начало восьмидесятых. Андреа перевернула страницу. Потом еще одну. По стилю оформления она узнала полицейский рапорт. Дата, время, место, карта города, зарисовка места преступления, возможное оружие убийства, свидетели, повреждения на теле невиновной семнадцатилетней девушки.

Пальцы Андреа стали влажными от пота, но она продолжала перелистывать страницы. Она нашла записи ведущего следователя. Компьютеры в 1982 году были редкостью. Печатные

машинки, по-видимому, тоже. Его каракули почти невозможно было различить, документы ксерокопировали столько раз, что буквы совсем побледнели.

Андреа знала, что не найдет в деле имени Николаса Харпа. Это был псевдоним, который использовал ее отец, когда впервые встретил ее мать. Он отказался от своей настоящей личности в 1982 году, когда навсегда покинул Лонгбилл-Бич. Только там люди знают его под настоящим именем. Она нашла его на последней странице – обведенное и дважды подчеркнутое.

Клэйтон Морроу.

2

– Орегон прекрасен, мам. – Андреа проигнорировала удивленный взгляд таксиста. Они как раз проезжали Чесапик Бэй. Она отвернулась, показывая, что это личный разговор. – Думаю, мне тут понравится.

– Ну, это уже что-то, – сказала Лора. В раковине шумела вода. Она готовила ужин для Гордона дома в Белль-Айл. – Прошло очень много лет с тех пор, как я там была. Я помню деревья.

– Дугласова пихта – дерево – символ штата. Орегонский виноград – цветок. Но это не прямо виноград-виноград. Он скорее больше похож на ягоды. – Андреа прокручивала статью про Орегон на Википедии на своем рабочем телефоне. – Ты знала, что это девятый по величине штат?

– Не знала.

– А еще... – Андреа пыталась найти что-нибудь, что не звучало бы так, будто она зачитывает статистику. – На северо-западе есть лес, который называется Долиной гигантов. Круто, правда?

– Там холодно? Я говорила тебе взять куртку.

– Все нормально. – Андреа открыла сайт с погодой. – Восемнадцать градусов.

– Еще только середина дня, – сказала Лора, хотя в Орегоне было всего на три часа раньше. – Температура упадет, когда солнце сядет. Лучше купи куртку там. Это будет дешевле, чем пересылать твою. Летом погода на северо-западном побережье очень капризная. Никогда не знаешь, чего ожидать.

– Все будет хорошо, мам. – Андреа смотрела в окно, пока ее мать объясняла, какую конкретно куртку нужно купить, чтобы она подходила для погоды в штате где-то в трех тысячах миль от нее.

– Очень важно, чтобы на молниях были заглушки, – сказала Лора. – И эластичные манжеты, а то ветер будет задувать, и руки замерзнут.

Андреа закрыла глаза, подставив лицо раннему полуденному солнцу. Стрелка ее внутреннего компаса вращалась слишком быстро. Джаспер не просто оказал предосудительное давление. Он перевернул все с ног на голову. Андреа, по идее, должна была получить двухнедельный отпуск, прежде чем впервые выйти на службу. Но благодаря своему незнакомому дяде чуть больше чем через сутки после выпуска она уже работала над двумя разными делами. Одно – присмотреть за судьей, которому угрожают смертью и присылают домой мертвых крыс, и второе – оставить своего отца за решеткой, каким-то образом доказав, что он виновен в убийстве девушки, о которой все давно забыли.

Как и в случае любого другого решения последних двух лет ее жизни, Андреа была не до конца уверена, почему приняла предложение Джаспера. Сначала она хотела просто выйти из комнаты. Но потом она позволила себе сделать то, чего избегала последние два года: мысленно вернуться в тот момент, когда ее жизнь перевернулась.

Вместо того чтобы спокойно во всем разобраться, Андреа завертелась на месте, как заводная обезьянка, лязгающая парой сломанных тарелок. Она совсем не гордилась собой, вспоминая то время. У нее не было плана. Она не осознавала последствий. Она бесцельно проехала тысячи миль, пытаясь разгадать тайну своих родителей и узнать правду об их преступлениях. Из-за своей импульсивности она чуть не погибла, а по ходу событий и жизнь Лоры оказалась в опасности. И это не говоря о том, что Андреа сделала с Майком. Он постоянно пытался ее спасти, а она буквально и фигурально давала ему по яйцам за беспокойство.

Так что, возможно, именно поэтому Андреа сказала «да».

Это объяснение было ничем не хуже других.

Как именно она собирается раскрыть убийство сорокаоднолетней давности, можно было только догадываться. Ее первые сутки в должности маршала Соединенных Штатов оказались не слишком многообещающими. Вчера днем она пять часов ехала в арендованной машине до аэропорта Атланты как раз к своему рейсу в Балтимор в 9:50, но из-за погодных условий его задержали на два с половиной часа, а потом, снова из-за плохой погоды, ее самолет развернули в сторону Вашингтона, так что она приземлилась только в два часа ночи. Из Далласа она за двадцать минут доехала на такси до дешевого мотеля в Арлингтоне, Вирджиния, где проспала четыре часа, а потом ей удалось поспать еще полтора часа в поезде, который вез ее в штаб-квартиру СМ США в Балтиморе.

Никто не был готов к ее приезду. Все старшие офицеры были на конференции в столице. Агент по имени Лита Фрейзер, которая вообще-то специализировалась на конфискации имущества, засунула Андреа в переговорную, чтобы она подписала кучу бумаг, выдала ей памятку о том, как никого не домогаться, и служебный девятимиллиметровый «глок-17» вместе с «серебряной звездой», а затем сказала Андреа возвращаться позже, чтобы познакомиться с начальством и остальной командой.

Вдобавок ко всему Лита не могла предоставить ей машину, и поэтому Андреа оказалась в самом дорогом на свете «Убере», который вез ее в Лонгбилл-Бич. Этот день уже казался ей расширенной версией самых скучных суток в истории человечества. Только в два часа дня Андреа наконец проехала побережье Мэриленда и стала приближаться к Делавэру, где должна была – хотелось бы на это надеяться – встретиться со своим напарником.

– Пришли мне фото, когда купишь, – сказала Лора.

Андреа пришлось перемотать назад весь их разговор, чтобы понять, что речь идет о фантомной куртке, которую Андреа должна была купить на случай плохой погоды, невозможной здесь в принципе.

– Постараюсь не забыть.

– И ты обещала звонить мне дважды в день.

– Нет, не обещала.

– То есть писать.

– Не-а.

– Андреа... – начала Лора, но тут заговорил Гордон, и Лора прикрыла телефон рукой.

Андреа отключила экран своего рабочего телефона, размышляя, не нарушила ли она политику безопасности, погуглив Орегон. Она до сих пор не могла поверить, что ей дали пистолет и значок. Она стала настоящим старым добрым «маршем» – уполномоченным маршалом США. Она могла арестовывать людей. Она могла бы привлечь к какой-нибудь работе водителя такси, если бы захотела. Например, она могла бы заставить его не отрывать глазенки от дороги, потому что в ту секунду, когда он понял, что она из органов, он стал смотреть на нее как на кусок дерьма, который бросили на заднее сиденье.

Она вспомнила фразу, которую один из ее инструкторов однажды написал на доске:

«Если ты хочешь, чтобы люди тебя любили, не иди в правоохранительные органы».

– Ладно. – Лора снова была на связи. – Это не обязательно, но я была бы очень признательна, если бы периодически получала от тебя сообщения, подтверждающие, что ты все еще жива, моя дорогая.

– Хорошо, – уступила Андреа, хотя не была уверена, что станет это делать. – Мне пора, мам. Кажется, я вижу западного лугового трупиала.

– О, пошли мне фотогр...

Андреа отключилась. Она наблюдала, как в небе парит кулик, выделявая странную штуку: движется вперед, но как будто барахтается в воздухе.

Она на секунду закрыла глаза и сделала глубокий выдох, надеясь немного снять напряжение. Она чувствовала, что тело молит о сне, но если предыдущие попытки уснуть что-то и

доказали, так это что ее разум решительно настроен метаться между попытками понять истинные мотивы ее дяди, мыслями о том, сможет ли ее отец узнать, что она делает, и взорвать все к чертям, и реконструкцией ее последнего разговора с Майком, вспоминая который она не могла понять, что было бы приятнее: признать, что она совершила ужасную ошибку, или послать его на хрен.

Андреа не могла играть в эту чехарду еще два часа. По крайней мере, не на заднем сиденье «Убера», где пахло очистителем для салона и сосновым освежителем воздуха. Чтобы отвлечься от навязчивых мыслей, она залезла в рюкзак и достала дело Эмили Вон.

Ее внимание привлекла выцветшая этикетка с названием дела, напечатанная на машинке. Она задавалась вопросом, как Джаспер достал копии полицейских документов. Как сенатор США, он, конечно, имел расширенный доступ к разного рода информации. Плюс он был омерзительно богат, так что там, где не работала его власть, наверняка сработал большой портфель, полный денег.

Не то чтобы ее волновали махинации Джаспера. У ее двойного расследования была только одна цель, и это точно было не сближение с богатым дядюшкой. Она и правда очень хотела, чтобы ее отец оставался за решеткой – не только ради безопасности Лоры, но и потому, что человек, способный превратить горстку уязвимых людей в секту, жаждущую разрушений, не должен выйти на свободу. Если для этого надо раскрыть убийство сорокалетней давности, Андреа раскроет убийство сорокалетней давности. И если она не сможет доказать, что это сделал ее отец, или если докажет, что это сделал кто-то другой... Она спрыгнет со скалы, если это выяснится.

Андреа сделала еще один вдох и собралась с силами, прежде чем открыть папку.

Фотография Эмили Роуз Вон пробирала сильнее всего. Это явно было фото со времен старшей школы. Эта не-совсем-восемнадцатилетняя-девушка была красива, даже несмотря на химзавивку и жирно подведенные глаза. Андреа перевернула фото и посмотрела на дату. Скорее всего, положение Эмили уже становилось заметным, когда она стояла в очереди с другими старшеклассниками перед камерой. Может быть, она носила пояс, утягивающие колготки или еще какой-то пыточный инструмент для женщин из восьмидесятых, пытаясь скрыть правду.

Андреа снова внимательно вгляделась в лицо Эмили. Она попыталась вспомнить, каково это – стоять на пороге выпускного. Волноваться насчет колледжа. С нетерпением ждать, когда вырвешься из родительского дома. Готовиться стать взрослой или, по крайней мере, той версией взрослой, которую все еще полностью обеспечивают родители.

Последние семь недель своей жизни Эмили выполняла функцию человеческого инкубатора. Насколько Андреа поняла из полицейского отчета, Джаспер был прав – личность отца так и не установили. Только через тринадцать лет после убийства Эмили дело О. Джей Симпсона заставило общественность и судебную систему охотнее принимать доказательства, основанные на тестах ДНК. Тогда же только слова Эмили могли иметь значение, но она, очевидно, унесла свою тайну в могилу.

Главный вопрос состоял вот в чем: Клэйтона Морроу подозревали потому, что он был вероятным подозреваемым, или потому, что преступления Ника Харпа делали его виноватым постфактум?

Андреа, естественно, погуглила, но нашла очень мало общедоступной информации о нападении на Эмили Вон. Ни один криминальный блогер или телепродюсер не взялся за подробный разбор этого дела – вероятно, потому, что не было ни одной ниточки, за которую можно было бы ухватиться. Ни новых свидетелей. Ни новых подозреваемых. Те немногие улики, которые были найдены в разных местах, либо потерялись со временем, либо их смыло наводнением, вызванным ураганом «Изабель», в 2003 году.

На странице судьи Эстер Вон в Википедии нашлась двадцать одна ссылка на статьи из газет сорокалетней давности, освещающие обстоятельства смерти Эмили. Шестнадцать вели

на «*Лонгбилл Бикон*», независимую газету, которая загнулась четыре года назад и не оставила после себя ничего, кроме страницы 404. Доступ к статьям в национальных СМИ оказался платным, но Андреа не хотела оставлять данные своей кредитки и к тому же не была уверена, что ее карта вообще сработает. О базе данных СМ США нечего было и говорить, потому что просмотр личной информации без законных полномочий на проведение расследования было нарушением политики безопасности – а также федерального закона.

Это означало, что после Википедии поиски Андреа в интернете зашли в тупик. Смерть Эмили Вон почти не оставила цифрового следа. В многочисленных заявлениях, сделанных за эти годы Эстер Вон, не было ничего, кроме упоминаний ее «трагической личной потери», которую она всегда выкручивала так, чтобы оправдать именно те вещи в уголовном правосудии, которые, по вашим ожиданиям, и должна оправдывать назначенка Рейгана. Что касается мужа судьи, Андреа нашла пресс-релиз, опубликованный год назад Университетом Лойолы в Мэриленде – частной иезуитской школой гуманитарных наук, – в котором сообщалось, что доктор Франклин Вон выходит на пенсию в звании почетного профессора Школы бизнес-менеджмента Селлинджера, чтобы проводить больше времени с семьей.

Как и в предыдущем случае, никаких подробностей об упомянутой семье.

И, как и в предыдущем случае, многочисленные рассуждения доктора Вона об экономике и социальной справедливости каждый раз заканчивались выводом, что одной рукой узла не завяжешь, вне зависимости от того, можете вы позволить себе веревку или нет.

Но что раздражало сильнее всего, в интернете, кажется, не было информации о том, как зовут дочь Эмили.

Андреа не могла сказать точно, что именно означает это упущение. Было несколько вариантов, почему у этой женщины нет никаких интернет-следов. Она была из первого поколения миллениалов, на семь лет старше Андреа, так что, скорее всего, попросту не обитала в соцсетях. Легко сделать так, чтобы твоего имени не было в Сети, если тебя самого нет в Сети, и тогда обламывается и Фейсбук⁹, и Инстаграм, и ТикТок, и Твиттер. Или дочь Эмили могла официально сменить имя, или взять фамилию супруга, или разорвать отношения с бабушкой и дедушкой... Или, что более вероятно, она держалась в тени, потому что ее мать жестоко убили, причем, возможно, это сделал ее отец с манией величия, а ее бабушка была федеральным судьей. А какими бы плохими ни были люди сорок лет назад, сейчас, когда у них появился интернет, они стали настоящими монстрами.

Так что Андреа оставалось только предполагать. Дочь Эмили до сих пор живет в Лонгбилл-Бич или уже переехала? Она в разводе? Джаспер сказал, что у нее есть собственный ребенок, дочь-подросток, *сущее наказание*, но близка ли она со своими дедушкой и бабушкой? Ей рассказали правду о смерти Эмили? Чем она зарабатывает на жизнь? Как выглядит? Ей достались ледяные голубые глаза Ника Харпа, его острые скулы и подбородок с небольшой ямочкой или более круглое лицо матери в форме сердца?

Андреа невольно коснулась рукой собственного лица. Ей не достались патрицианские черты Лоры и Джаспера, хотя Джаспер, наверное, был прав, когда говорил, что *что-то* в Андреа напоминало ему Лору. Глаза Андреа были светло-кариими, не голубыми. Ее лицо было узким, но не треугольным, с еле различимой ямочкой на подбородке, которая, как она полагала, досталась ей от отца. Ее нос был генетической загадкой – со вздернутым кончиком, как у Пятачка, нюхающего тюльпан.

Она прикрепила фото Эмили назад к первой странице. Еще раз пробежалась по отчетам, хотя читала их уже бесчисленное количество раз – в зале аэропорта, в самолете, в такси, в мотеле,

---

⁹ 21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., была признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России. (Прим. ред.)

в поезде. Смазанные следы пальцев указывали на то, что на завтрак она слопала кучу крекеров с арахисовой пастой.

Андреа должна была лучше проявить себя.

В ФТЦПО Глинко все будущие агенты проходили школу криминальных расследований: занятия длились десять изнурительных, взрывающих мозг недель. Андреа сидела в одном классе с целым алфавитом будущих представителей федеральных органов – УБН¹⁰, АТО¹¹, СВД¹², ПТС¹³, ЗСС¹⁴, – пока они обучались тонкому искусству расследования. А потом у будущих маршалов было еще десять недель специализированного инструктажа, который шел параллельно с тренировками по достижению физических показателей, которые отличали их службу, – сущий сизифов труд.

Инструкторы разрабатывали сложные и детализированные учебные модели дел – сбежавший заключенный, похищение ребенка, серия нарастающих угроз в адрес представителей Верховного суда. Команда Андреа просматривала тонны фальшивых записей с камер видеонаблюдения из офисов, банкоматов и подъездов жилых домов. Они заходили в интернет и находили планы зданий и карты, проверяли данные кредитных карт и открытые источники, чтобы найти членов семей, друзей и знакомых разной степени дальности. Можно было просматривать страницы в соцсетях, отслеживать совпадения в базе автомобильных номеров, прогонять фотографии через программу распознавания лиц, вызывать в суд операторов сотовой связи, читать электронные письма и сообщения.

В 1982 году у тебя были только рот и уши. Ты задавал вопросы. Получал ответы. Складывал все вместе и потом пытался прийти к какому-то выводу.

Андреа не могла сказать, что шеф полиции проделал блестящую работу, особенно если учесть, что убийце так и не были предъявлены обвинения, но усилия он приложил колоссальные. В деле были замеры и подробные рисунки мусорного бака за «Скитерс Грилл», где нашли тело Эмили. На схематичном изображении человеческой фигуры крестиками были помечены все повреждения на ее теле. Переулок, где нашли следы крови той же группы, что была у Эмили, также измерили и прочесали в поисках улик. Возможное орудие убийства – кусок деревянной доски, оторванный от грузового поддона в переулке, – нашли у главной дороги. На поддоне в переулке нашли клочок черных ниток, но ФБР вернуло его, сочтя слишком обычным для решающей улики предметом. Только на основе многочисленных свидетельских показаний Андреа могла восстановить последний маршрут Эмили, которым она шла, прежде чем ее жизнь оборвалась.

Самой душераздирающей деталью, которую Андреа никак не смогла забыть, стало слово, которое в наши дни было бы просто удалено с экрана компьютера, – призрак, потерянный для технологий.

Андреа нашла это слово в рукописной транскрипции звонка в 911, которая была сделана, когда работник фастфуда поднял крышку мусорного бака и обнаружил там обнаженное, глубоко беременное тело Эмили Вон, распростертое на рваных пакетах с отбросами. Почерк у оператора был неровный – вероятно, потому, что обычно полиция Лонгбилл-Бич занималась жалобами на буйных туристов и агрессивных чаек. Первое предложение заключало в себе то, что сразу выпалил звонивший.

В мусорке за «Скитерс Грилл» найдено тело женщины.

---

¹⁰ Управление по борьбе с наркотиками (англ. Drug Enforcement Administration, DEA).

¹¹ Бюро алкоголя, табака, огнестрельного оружия и взрывчатых веществ (англ. Bureau of Alcohol, Tobacco, Firearms and Explosives), сокр. АТО или АТФ (англ. ATF или BATFE).

¹² Налоговая служба США (англ. Internal Revenue Service, IRS, «Служба внутренних доходов»).

¹³ Погранично-таможенная служба США (англ. Customs and Border Protection, CBP).

¹⁴ Министерство здравоохранения и социальных служб США (англ. United States Department of Health and Human Services, HHS).

Они не знали, что в этот момент Эмили была еще жива. Это открытие сделают специалисты «Скорой помощи». Но вот что поразило Андреа, что вызвало у нее слезы, – в какой-то момент, видимо, когда они поняли, кому принадлежит тело, кто-то зачеркнул слово «женщина» и поменял его.

...тело девочки...

Девочки с большим потенциалом. Девочки с мечтами и надеждами. Девочки, которую нашли лежащей на боку, крепко обхватившей руками своего нерожденного ребенка.

Для Андреа Эмили никогда не будет *просто* девочкой. Она будет *первой девочкой* – одной из многих, которых ее отец бросил на своем жестоком пути.

Андреа почувствовала, что машина замедляется. Двухчасовая поездка пролетела так быстро, что она и не заметила. Она закрыла файл Эмили и сунула обратно в рюкзак. По всей видимости, они ехали по главной улице Лонгбилл-Бич. Она увидела десятки разморенных солнцем туристов, толпящихся у палаток с фастфудом или прогуливающих по широкой белой набережной вдоль Атлантического океана, которая, судя по всему, могла простираться на шестьсот миль к югу до набережной в Белль-Айл.

С досадой она подумала о матери...

Куда бы ты ни шла, ты будешь там.

– Высадите меня... – Андреа вздрогнула, потому что водитель выбрал именно этот момент, чтобы включить радио. – У библиотеки! Высадите меня у библиотеки!

Он закивал в такт орущей музыке, сделав резкий поворот направо, от моря. Песню он явно выбрал специально для Андреа – «Fuk da Police» N.W.A.

Андреа позволила себе закатить глаза, когда машина сделала очередной внезапный поворот и она впечаталась плечом в дверь. Главная библиотека Лонгбилл-Бич располагалась на заднем дворе старшей школы. Библиотека выглядела новее, но не намного. В отличие от здания школы из красного кирпича библиотека была отделана рельефной штукатуркой, выкрашенной в нежно-розовый цвет. Венецианские окна летом наверняка превращали здание в печь.

Водитель не удосужился выключить музыку, когда они подъехали ко входу в библиотеку. Жилистый пожилой мужчина в полинявшей гавайской рубашке, джинсах и ковбойских сапогах стоял у ящика для обмена книгами. Он начал хлопать в ладоши под музыку, которая дошла до припева как раз в тот момент, когда Андреа открыла дверь машины.

– Фак зе полис, фак-фак... – громко подпевал мужчина, приплясывая в сторону машины. – Фак зе полис!

До Глинко Андреа распределяла людей только по двум категориям – старше или младше нее. Теперь она могла предположить, что этому мужчине за пятьдесят, он около шести футов ростом и весом примерно сто семьдесят пять фунтов. Обе его мускулистые руки были покрыты татуировками в стиле милитари. Лысая голова сияла в закатном солнце. Его черная с проседью вандейковская борода была близка к криминальной длине в полдюйма ниже подбородка.

– Фак зе полис. – Он развернулся на месте, его рубашка задралась. – Фак-фак.

Андреа застыла при виде девятимиллиметрового «глока» у него на поясе. Рядом с ним сияла «серебряная звезда». Она догадалась, что смотрит на своего нового напарника. Затем поняла, что он, скорее всего, работает в спецотряде по розыску и поимке, потому что у тех, кому поручалось ловить худших из худших, почти не было дресс-кода и правил.

Она протянула руку.

– Я...

– Андреа Оливер, прямиком из Глинко, – он продемонстрировал впечатляющий южный акцент, пожимая ей руку. – Я уполномоченный Байбл. Рад, что ты наконец добралась. Сумка есть?

Она не знала, что еще делать, кроме как показать ему свою дорожную сумку, в которой лежала одежда ровно на неделю. Скоро ей придется объяснять матери, почему ее вещи надо посылать в Балтимор, а не в Портленд.

– Отлично. – Байбл показал два больших пальца водителю. – Мне нравится, что ты сообщаешь всем своей музыкой, сынок. Солидарность так и прет.

Если у водителя и был ответ, Байбл не стал дожидаться. Он кивнул Андреа, чтобы та шла за ним дальше по тротуару.

– Давай-ка прогуляемся, разведем немного, познакомимся и составим план. Я здесь всего на два часа, так что большой форы у меня нет. Кстати, я Леонард, но все зовут меня Кэтфиш.

– Кэтфиш Байбл? – Впервые за два года Андреа пожалела, что рядом нет ее матери. Он будто сошел со страниц романа Фланнери О'Коннор¹⁵.

– Прозвище есть? – он посмотрел на нее, но Андреа только покачала головой. – У всех есть прозвища. Ты наверняка просто скрываешь его. Осторожно.

Мальчик на велосипеде чуть не врезался в Андреа.

– Взгляни-ка, – Байбл несколько раз повернул голову, чтобы тонкие шрамы по обеим сторонам его щек попали на свет, – подрался с сомом¹⁶.

Андреа задалась вопросом, был ли у этой рыбки выкидной ножик.

– В общем, – Байбл шел так же быстро, как и говорил, – слышал, твоей рейс задержали. Наверное, просто ад – прыгать в самолет сразу после рвотного забега.

Он имел в виду Маршалльскую милю – последнее испытание перед выпуском. А еще он имел в виду, что знает о весьма необычных условиях срочного назначения Андреа.

– Я в порядке, – сказала она ему. – Готова к бою.

– Это отлично. Я тоже в порядке. В полном порядке. Всегда готов. Мы станем великолепной командой, Оливер. Нутром это чую.

Андреа крепче вцепилась в свою сумку и перекинула рюкзак на другое плечо, пытаясь поспеть за широким шагом Байбла. Чем ближе они подходили к главной улице, тем сложнее было идти. Обе стороны Бич-драйв были забиты туристами разных размеров и возрастов, которые смотрели в карты, останавливались, чтобы написать сообщение, и глазели на солнце.

Она чувствовала себя ужасно приметной в своей одежде. На ней было черное поло с огромными желтыми буквами СМ США на спине и еще одной нашивкой на нагрудном кармане. Для нее на складе был только мужской размер S, но рукава все равно свисали ниже локтей, а воротник был такой жесткий, что царапал ей подбородок. Она распоролла швы внизу брюк, но они все равно были ей примерно на полдюйма коротки, а в талии – на полтора дюйма велики. У женских брюк всегда крошечные карманы и нет петель для ремня, так что ей пришлось купить брюки для мальчиков в детском отделе и плотный тканый ремень, чтобы пристегнуть к нему пистолет, наручники, жезл и «серебряную звезду». Впервые в жизни у нее появились бедра. Но не в хорошем смысле.

Байбл, кажется, заметил ее дискомфорт.

– У тебя есть с собой джинсы?

– Да. – У нее была ровно одна пара.

– Мне нравится носить джинсы. – Он нажал кнопку светофора. Голова Байбла торчала над толпой, как у суриката. – Комфортно, стильно и не стесняет движений.

Андреа разглядывала уличные знаки, пока Байбл рассуждал, что лучше – джинсы свободного кроя или обтягивающие. Она узнала перекресток из показаний одного свидетеля...

---

¹⁵ *Фланнери О'Коннор* (25 марта 1925 года – 3 августа 1964 года) – писательница Юга США, представительница жанра южной готики. Написала два романа («Мудрая кровь» и «Царство Небесное силою берет»), но знаменитой ее сделали рассказы.

¹⁶ Сом по-английски – *catfish* (кэтфиш).

Примерно в 18:00 17 апреля 1982 года я, Мелоди Луиз Брикел, была свидетельницей того, как Эмили Вон переходит улицу на перекрестке Бич-драйв и Роял Коув Уэй. Похоже, она шла от школьного спортзала. На ней было бирюзовое атласное платье без бретелек с фатином и клатч такого же цвета, но она была без колготок и без обуви. Она выглядела встревоженной. Я не стала подходить к ней, потому что мама сказала мне держаться подальше от Эмили и всей ее компании. Большие я ее не видела. Я не знаю, кто отец ее ребенка. Перед лицом закона клянусь, что мои показания содержат только правду.

Байбл спросил:

– Кого ты встретила в штабе?

Андреа пришлось разогнать туман в голове.

– Все были на конференции. Там была женщина, которая занимается конфискацией имущества, и она...

– Лита Фрейзер, – подтвердил он. – Хорошая девчонка. Работает примерно столько же, сколько и я. Но, слушай, одна важная вещь – Майк сказал мне присматривать за тобой.

Ее сердце упало.

– Майк не...

– Так-так-так, стой, – сказал он. – Касси, моя жена, говорит, что рыцарство молодежи уже ни к чему, но я прямо тебе скажу, что никогда не верил слухам. И я говорю это не только потому, что вы обручены.

Андреа почувствовала, что у нее сейчас отвиснет челюсть.

– Рад, что мы сразу во всем разобрались. – Загорелся зеленый свет. Байбл начал переходить дорогу, прибавившись к загорелым тинейджерам. Он оглянулся через плечо и спросил Андреа: – Уже нашла себе место в Би-море?¹⁷

– Нет... Я... – Она перешла на бег, чтобы нагнать его. – Мы не... Майк и я...

– Не мое дело. Мы больше не будем об этом говорить, – он «застегнул» себе рот пальцем. – Слушай, а вообще что ты знаешь про судью?

– Я... – Андреа казалось, что она падает в черную дыру.

– Не бойсь, я понимаю, что значит быть новеньким, свеженьким маршем, с пылу с жару – тебе только что сунули в руки удостоверение, и ты даже не знаешь, что к чему, но я здесь, чтобы натаскать тебя. Мой бывший напарник сейчас сидит на пляже, попивает «Май-Тай» и считает ламантинов. Ты и я, мы теперь команда, как семья, но только семья по работе, потому что у тебя есть собственная семья, я это понимаю.

Андреа шагнула на тротуар. Сделала глубокий вдох. Когда она впервые встретила Майка, он выпустил в нее похожую автоматную очередь банальностей. Он пытался сбить ее с толку, заставить ее сказать что-то, чего ей не стоило говорить, и это срабатывало столько раз, что она чувствовала себя идиоткой.

С тех пор она два года работала над тем, чтобы больше не быть такой женщиной.

Андреа сделала еще один глубокий вдох и сказала:

– Судья Эстер Роуз Вон. Восемьдесят один год. Назначена Рейганом. Утверждена в 1982-м. Одна из двух оставшихся консерваторов в суде. У нее есть внучка и пра...

Байбл остановился так резко, что Андреа чуть не врезалась в него.

– Откуда ты знаешь о внучке и правнучке?

Она почувствовала, что ее подловили. Может быть, была другая, более сознательная причина, почему сорокаоднолетней дочери Эмили Вон не было в Сети.

Вместо того, чтобы увильнуть, она сказала:

---

¹⁷ Сокращенно от Балтимор. (Прим. ред.)

– А почему бы мне о них не знать?

– Точно. – И он пошел дальше.

Андреа ничего не оставалось, кроме как пойти за ним по длинному тротуару. Толпа поредела, когда последние любители развлечений отделились от нее, чтобы посмотреть на растягивающуюся за заляпанной витриной карамель. Туристическая улица резко заканчивалась закрытым прокатом велосипедов и стойкой для записи на уроки плавания на сапборде и на парасейлинге. Как и все остальное, лодки казались Андреа очень знакомыми. Она провела многие летние месяцы, наблюдая, как туристы пытаются не навернуться со своих серфов или не зацепиться парашютами за высотки.

– Итак, судья. – Болтовня Байбла возобновилась так же внезапно, как прекратилась. – Она получает угрозы. Ничего такого. Происходит постоянно, особенно если учесть ее смехотворный процесс два года назад.

Андреа кивнула. Угрозы убить человека стали таким обычным делом, что теперь их можно было получить и в «Старбаксе».

Он продолжил:

– Но последние угрозы были классифицированы как весомые, потому что она получила несколько писем, в которых упоминались специфические детали ее личной жизни. Бумажные письма. Она не пользуется электронной почтой.

Андреа снова кивнула, но ее голова начала гудеть от обилия новой информации. На протяжении всего ее путешествия она была сосредоточена на Эмили Вон и ее возможном убийце. Андреа и думать забыла о своей настоящей работе из-за слов о няне, но теперь поняла, что эта работа на самом деле очень серьезная.

– Откуда были отправлены эти письма? – она пыталась говорить, как настоящий маршал.

– Из почтового ящика, который мы прошли по дороге от библиотеки. Камер там нет. Отпечатков пальцев, которые можно было бы идентифицировать, – тоже, – сказал Байбл. – Их отправили в праздники, одно в пятницу, потом еще по одному в субботу, воскресенье и понедельник. Все они были отправлены прямым ходом в кабинет судьи в федеральном суде Балтимора: в том же здании, где ты была сегодня. Мы все там как своего рода семья – федеральные судьи и маршалы. Я знаю судью и ее команду уже много лет. Мы присматриваем друг за другом.

Андреа попробовала задать еще один вопрос:

– Крысу тоже отправили в суд?

– Нет, – ответил Байбл. – Коробка с крысой пришла не по почте. Ее оставили в почтовом ящике городского дома судьи, который находится Гилфорде, богатеньком районе Северного Балтимора, в шаговой доступности от Джонса Хопкинса и Лойолы.

– Где муж судьи, доктор Франклин Вон, преподавал экономику, пока не ушел на пенсию год назад.

Байбл цокнул языком: как поняла Андреа, поощряя ее за то, что она сделала домашнюю работу.

Она спросила:

– Это один и тот же человек? Автор писем с угрозами и тот, кто подбросил крысу?

– Может быть тот же парень, могут быть разные.

– Парень?

– По моему опыту, если женщина хочет убить тебя, она делает это сразу.

Андреа убедилась в том же на своем опыте.

– Вы вкладываете какой-то смысл в мертвую крысу? Похоже на что-то из «Крестного отца» – мол, *ты сдала нас, как настоящая крыса*.

– Я ценю твой вкус в кино, но нет. Балтиморская банда мертва и забыта, и судья больше не занимается их делами, – сказал Байбл. – Что ж, я думаю, ты удивишься, почему мы не в Балтиморе. К счастью для нас, сейчас летние каникулы, иначе судья ходила бы на работу каж-

дый день. Она ни за что не станет прятаться дома из-за одной дохлой крысы. Леди обожает планирование. Она проводила лето в доме в Лонгбилл-Бич с самого своего утверждения на должность. Они приехали сюда сегодня на рассвете, как делают уже лет двести. Ты должна постоянно держать в голове одну очень важную вещь – судья собирается сделать то, что собиралась сделать.

Андреа понимала, о чем он говорит, в том числе благодаря собственным поискам в интернете. На каждой фотографии Эстер Вон представляла как суровая женщина, смотрящая прямо в камеру, неизменно в красочных шарфах, подчеркивающих строгий черный костюм. Ее описания в статьях были пропитаны феминизмом. Статьи девяностых прямо называли ее «трудной женщиной». В начале нулевых ее описывали уже мягче – «сложная женщина». А в свежих статьях в ход шли все «сильные» прилагательные с приставкой «не»: независимая, неукротимая, неглупая и, чаще всего, непреклонная.

– В общем, это самое главное, что тебе нужно знать о судье, – сказал Байбл. – В конце концов, не имеет особого значения, кто написал эти письма и почему, один это был человек или несколько. Судебный инспектор в штаб-квартире в Балтиморе уже у него на хвосте. Мы не следователи. Наша единственная задача – чтобы судья была в безопасности.

Андреа почувствовала, как у нее сводит горло. Все как будто снова оказалось на грани жизни и смерти, не в последнюю очередь из-за того, что у нее на бедре был заряженный пистолет. Может ли этот сумасшедший и правда прийти за судьей? Хватит ли Андреа духу встать между восьмидесятилетней женщиной и потенциальным убийцей?

Байбл сказал:

– Мы с тобой вытянули короткую спичку, потому что приехали позже всех. Мы работаем в ночную смену, держим zenки открытыми на случай, если объявится любитель крыс и смертельных угроз. Все понятно?

Андреа сейчас была способна сосредоточиться только на одном: ночная смена. Она мечтала о постели в тихом номере отеля с тех пор, как задержали ее рейс.

– Первая остановка, – Байбл указал на приземистое здание из желтого кирпича в нескольких ярдах. – Нам нужно встретиться с шефом полиции. Правило маршалов номер двенадцать: как можно скорее уведомлять местных о своем прибытии. Пусть они почувствуют, что их ценят. Я хотел дождаться тебя, прежде чем представиться. У тебя есть какие-то вопросы?

Она покачала головой, когда они начали подниматься по лестнице:

– Нет.

– Ну и отличненько. Вот мы и пришли.

Андреа краем сумки поймала дверь, прежде чем та закрылась за ними. Она поправила рюкзак на плече и вошла внутрь. Лобби было размером с тюремную камеру. Ей в ноздри сразу ударил запах средства для мытья полов, соперничающий с едкой вонью таблеток для писсуаров. Туалеты находились прямо напротив приемной стойки. Их разделяло менее десяти футов.

– Добрый вечер, офицер. – Байбл быстро отсалютовал очень усталому сержанту за стойкой. – Я уполномоченный Байбл. Это моя напарница, уполномоченная Оливер. Мы пришли поговорить с большим боссом.

Андреа услышала стон, когда коп поднял телефонную трубку. Она обратила внимание на стену с дверью в туалет, на которой висели фотографии сотрудников полицейского управления Лонгбилл-Бич с 1935 года. Андреа пробежалась глазами по датам от одного конца к другому, пока не нашла то, что искала.

На фото 1980 года был шеф полиции с квадратной, как у фигурки лего, челюстью и трое других мужчин. Подпись гласила: «БОБ СТИЛТОН И ЕГО ОТДЕЛ».

Ее сердце сделало странное сальто.

Шеф Боб Стилтон был главным следователем по делу Эмили Вон.

Андреа снова почувствовала, как сжалось горло. Шеф выглядел именно так, как она представляла: с глазами-бусинками, злым взглядом и опухшим красным носом алкоголика. На каждом фото его кулаки были сжаты так сильно, что костяшки белели. Судя по отчетам, он не был фанатом ни грамматики, ни пунктуации. Ни подробного изложения своих дедуктивных рассуждений. Все показания, сопроводительные документы и графики были в идеальном порядке, но не было никаких записей или заметок, которые могли бы раскрыть его собственные мысли по поводу хода дела. Единственным указанием на то, что Клэйтон Морроу вообще был подозреваемым, были две строчки текста, которые шеф нацарапал внизу последней страницы дела – на отчете о вскрытии:

ЕЕ УБИЛ МОРРОУ. ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НЕТ.

Андреа перешла к следующему фото на стене, сделанному через пять лет. Еще пять лет – еще одно фото. Она продолжала идти вдоль ряда снимков. Команда разрослась с шести человек до двенадцати. Шефа Боба Стилтона все сильнее придавливало возрастом, пока на фото 2010 года не появилась его более молодая и менее круглая версия.

ШЕФ ДЖЕК СТИЛТОН И ЕГО ОТДЕЛ.

Андреа знала и это имя. Джек Стилтон был сыном шефа Боба Стилтона. В 1982 году юный Стилтон тоже дал показания, написанные неровным грубым почерком, рассказав, когда в последний раз он видел Эмили Вон живой.

Примерно в 17:45 17 апреля 1982 года я, Джек Мартин Стилтон, был свидетелем того, как Эмили Вон разговаривала с Бернардом «Нардо» Фонтейном. Они стояли возле спортзала. Это был вечер выпускного. Эмили была в зеленом или голубом платье и с маленькой сумочкой. Нардо был в черном смокинге. Они оба выглядели рассерженными, и мне это не понравилось, поэтому я подошел. Я стоял внизу лестницы, когда услышал, как Эмили спросила, где Клэйтон Морроу. Нардо сказал: «Откуда я, блять, знаю». Эмили зашла в спортзал. Нардо сказал мне: «Лучше бы этой суке заткнуть свой паршивый рот, пока кто-нибудь другой его не заткнул». Я сказал ему закрыть рот, но не думаю, что он меня услышал. Я зашел за спортзал, чтобы выкурить сигарету. Больше я никого из них не видел. Я пробыл там всего полчаса, а потом вернулся домой и стал смотреть телевизор с мамой. «Одного из парней» с Дэнной Карви, а затем Элтона Джона в «Эфире в пятницу вечером». Клэйтона Морроу на выпускном я не видел. Я также не видел Эрика «Блейка» Блейкли и его двойняшку Эрику «Рики» Блейкли, хотя предполагаю, что они все были там, потому что именно так обычно и происходило. Я не знаю, кто отец ребенка Эмили. Она не заслуживает всех тех ужасов, что с ней случились. Я надевал черный костюм всего однажды, на похороны моего дяди Джо, но мама взяла его напрокат, так что технически он даже не был моим. Перед лицом закона клянусь, что мои показания содержат только правду.

Андреа услышала, как за спиной резко открылась дверь.

– Шеф Стилтон. Спасибо, что согласились встретиться с нами в такое позднее время. – Андреа обернулась в тот момент, когда Байбл крепко жал руку настоящему Джеку Стилтону. – Обещаю, мы не отнимем у вас много времени.

Андреа пыталась сохранять самообладание, пока Байбл представлял ее. Левая бровь Стилтона была надвое рассечена шрамом. Тонкая белая молния разрежала линию светлых волос – вероятно, это был след давней драки. Его мизинец явно был когда-то сломан и плохо зажил.

Несмотря на это, он не был похож на парня, рвущегося в драку. Лишний вес делал его лицо немного детским, но Андреа знала, что он ровесник Клэйтона Морроу – человека, который через три года после исчезновения из Лонгбилл-Бич представится Лоре как Николас Харп.

Ее чуть не разорвало надвое, когда она пожала Джеку Стилтону руку.

Он дружил с ее отцом? Он знал больше, чем было в его показаниях сорокалетней давности? Он не похож на парня, который весь вечер будет сидеть дома и смотреть телевизор с мамой.

– Вы оба маршалы? – спросил Стилтон с некоторым сомнением, вероятно, потому, что Байбл выглядел как престарелый скейтбордист, а Андреа – будто нашла свои брюки в отделе для мальчиков в супермаркете. Что соответствовало действительности.

Байбл ответил:

– Мы действительно оба уполномоченные Службы маршалов США, шеф Стилтон. Кстати, держу пари, вы в детстве наслушались шуток про сыр, да?¹⁸

Ноздри Стилтона раздулись.

– Нет.

– Я попробую что-нибудь придумать, – сказал Байбл и со всей силы хлопнул Стилтона по спине. – Вы двое пока начинайте. Мне надо пожать руку лучшему другу жены. Оливер, все путем?

Андреа смогла только кивнуть, и Байбл скрылся за дверями туалета.

Стилтон обменялся раздраженным взглядом с сержантом и с неохотой сказал Андреа:

– Думаю, стоит зайти внутрь.

У Андреа было ощущение, что Байбл толкнул ее в воду на глубине, чтобы проверить, умеет ли она плавать. Она спросила Стилтона:

– Вы давно шеф полиции?

– Да.

Она ждала продолжения, но он больше ничего не сказал, просто повернулся к ней спиной и вошел в дверь.

Особо не поплаваешь.

Его кожаный полицейский ремень поскрипывал, пока он вел Андреа в офис отдела. Это было сугубо утилитарное помещение – большой прямоугольник общего офиса и два кабинета поменьше в глубине, первый – с табличкой «ДОПРОСЫ», второй – с надписью «ШЕФ СТИЛТОН». Стол для переговоров и буфет занимали одну сторону помещения. С другой стороны было четыре стола, разделенные перегородками. Горел верхний свет, но в здании больше никого не было. Андреа предположила, что остальные сотрудники отдела либо в смене, либо уже дома со своими семьями.

– Кофе свежий, – Стилтон махнул рукой в сторону буфета. – Угощайся, детка.

– Э... – Ее застали врасплох. Единственным человеком, который называл ее «деткой», был Гордон. – Нет, спасибо.

Стилтон тяжело рухнул в огромное кожаное кресло в конце стола для совещаний.

– Ладно, дорогуша. Расскажешь мне, что происходит, или придется подождать твоего босса?

Андреа упустила момент в первый раз, но теперь бросила на него испепеляющий взгляд.

– Давай без всех этих толерантных штучек, – сказал Стилтон. – У вас на юге благородных дам не балуют ласковым словечком?

Его фальшивый южный акцент звучал так, будто Скарлетт О'Хара стянула ему яйца шнурками корсета. Неудивительно, что люди так ненавидят копов.

Стилтон продолжал:

---

¹⁸ Стилтон (англ. Stilton) – английский полумягкий нарезной сыр с голубой плесенью.

– Ну же, детка. Где твое чувство юмора?

Андреа бросила сумку и рюкзак на пол и села за стол. Она поступила так же, как и с водителем «Убера». Просто достала телефон и перестала обращать внимание на Стилтона. Экран расплывался у нее перед глазами. Она заставляла себя не поднимать взгляд. Сначала она чувствовала, что Стилтон смотрит на нее, но потом он, видимо, уловил посыл и с громким кряхтеньем встал, чтобы подойти к буфету. Андреа услышала, как царапает шкаф кружка, которую он доставал. Как стучит о конфорку кофейник, который он ставил.

Ее зрение наконец сфокусировалось на уведомлении, появившемся на экране телефона. Предсказуемо она получила два сообщения, по одному от каждого родителя. Лора прислала ссылку на постоянную экспозицию «Искусство коренных народов Америки» Портлендского художественного музея. Гордон ограничился просьбой позвонить ему на выходных, но только если у нее будет время. Андреа пролистала список контактов и нашла номер Майка. Она не забыла, что Байбл сказал у библиотеки.

Она написала: «ЧТО ЗА ХРЕНЬ ТЫ СКАЗАЛ ВСЕМ ЭТИМ ЛЮДЯМ????????»

Сразу всплыли три маленькие точки. Они всеплыли и плыли.

Наконец Майкл ответил: «НЕ ЗА ЧТО!»

– Прошу прощения. – Вошел Байбл. Он заметил Андреа с телефоном, но обратился к Стилтону: – Кофе свежий?

Стилтон тем же широким жестом показал на буфет и опустил в свое кресло.

– Большое вам спасибо. – Байбл, шаркая ногами по плитке, подошел к столу и налил себе чашку. – Мы не хотим особо вас задерживать, шеф Сыр. Может быть, вы передадите нам свой отчет, а мы вернем его позже?

Стилтон казался сбитым с толку.

– Отчет?

Теперь недоумевал уже Байбл.

– Я думал, вы здесь давно, нет? Может быть, ваш предшественник оставил что-то, на что мы могли бы взглянуть?

Язык Стилтона скользнул между зубов.

– Взглянуть на что?

– На ваше досье по судье.

Стилтон покачал головой.

– Какое досье?

– А, понятно. Мой прокол. – Байбл отвернулся от шефа, чтобы объяснить Андреа: – Обычно местные копы заводят досье, где фиксируют все необычное, что происходит в окрестностях дома федерального судьи – слоняющиеся неподалеку незнакомцы, слишком надолго оставленные машины и все такое. Так принято поступать, если в твоей юрисдикции находится особо важный объект.

Андреа сунула телефон обратно в карман, испытывая страшный стыд за то, что вообще достала его. Байбл показывал ей, что нужно было делать. Вместо того чтобы игнорировать прикурка, Андреа следовало напомнить Стилтону, что она федеральный агент, а он кусок помоев.

Байбл спросил шефа:

– Что насчет самоубийств? Были в последнее время? Не обязательно удавшиеся.

– Я... – У Стилтона опять выбили почву из-под ног. – Была пара девочек с фермы хиппарей. Одна порезала себе запястья. Это было примерно полтора года назад. Потом во время рождественских праздников другую достали из океана – холодную, как айсберг. Но у обеих все кончилось хорошо. Они просто хотели внимания.

– Ферма хиппарей, – повторил Байбл. – Это еще что?

– Она примерно в шести милях по прибрежной дороге, меньше мили по прямой. Прикнулась на границе округа.

– То место со зданиями в цветах радуги?

– Да, это оно, – подтвердил Стилтон. – Они выращивают там какую-то гидроорганическую хрень уже много лет. Студенты из разных стран живут там во время стажировок. У них есть общежития, столовая, склад. Выглядит как прикрытие для использования бесплатной рабочей силы, если спросите меня. Причем речь в основном о студентках. Очень молодых. Вдалеке от дома. Все ведет к катастрофе.

– Поэтому и самоубийства.

– Поэтому.

Андреа заметила, как Стилтон пожал плечами. Ей тоже хотелось пожать плечами. Она понятия не имела, почему Байбл интересуется самоубийствами.

– Ладно. – Байбл поставил свою кружку с кофе на стол. – Спасибо за уделенное нам время, сэр. Вот моя визитка. Я был бы вам глубоко признателен, если бы вы сообщили нам, если будут другие случаи самоубийств.

Стилтон внимательно изучил визитку, которую Байбл бросил на стол.

– Конечно.

– Если вы не поняли, мы будем дежурить в доме судьи двадцать четыре часа в сутки. Два человека днем, еще два – ночью. Лично я люблю сидеть на крыльце с дробовиком. Я называю это предотвращением вторжения. В нерабочее время мы будем в мотеле чуть дальше по дороге. Свистните нам, если вам что-то понадобится, и мы будем поступать так же.

Стилтон оторвал взгляд от карточки.

– Это все?

– Это все. – Байбл снова хлопнул его по спине. – Спасибо за помощь, шеф Сыр.

Андреа молча последовала за Байблом через приемную на выход. Она прикидывала варианты исходов для себя, пока они спускались по лестнице. Байбл столкнул ее в воду на глубине. И она пошла ко дну, как камень с привязанной к нему наковальней. Она всего несколько часов была на настоящей работе – и уже потерпела неудачу.

Байбл встал на тротуаре.

– Ну?

Отрицать правду было бессмысленно. Инструкторы двадцать четыре на семь вдалбливали им, что в первую очередь они должны доказать свой авторитет. Если Андреа не смогла завоевать уважение провинциального копа, то она никогда не добьется этого от плохого парня.

– Я облажалась. Поддалась на его провокацию, когда должна была привлечь его на нашу сторону. Однажды он может нам понадобиться.

– Чем он тебя разозлил?

– Назвал меня деткой и спародировал мой акцент.

Байбл рассмеялся.

– Боже, какой кошмар, Оливер. Один из вариантов – сразу охладить его пыл. Я видел такое раньше. Видел, как другие девчонки – и они прямо в этом поднаторели – называли таких детками в ответ и даже флиртовали.

Андреа мало что знала об этом мире, но точно знала, что флиртом с мужчинами на работе она авторитет точно не заработает.

– Какие еще варианты?

– Правило маршалов номер шестнадцать: будь как термометр. Посмотри, что они делают, и установи соответствующую температуру. Шеф проявил немного теплоты, и тебе стоило быть чуть-чуть теплее. Не надо было его морозить. Попробуешь в следующий раз. Практика порождает привычку.

Она кивнула, услышав знакомую установку. Как правило, полицейская работа требовала тонкой настройки каждого отклика. Андреа больше привыкла к крайностям.

– Хорошо.

– Не парься по этому поводу. Просто держи старого шефа Сыра в уме. Может, ты вообще видела его последний раз в жизни.

Андреа поняла, что урок окончен. Байбл снова пошел вверх по тротуару.

– Моя машина осталась у библиотеки. – Байбл явно заметил, что она уже еле тащит ноги. – Остановимся чего-нибудь перекусить и потом поедем в дом судьи.

Упоминание о еде заставило ее желудок заурчать. Ноги налились свинцом, и она едва плелась за ним. Она уставилась в бетонный тротуар. Через каждые несколько ярдов стояли маленькие черные коробки, размером с обувные. Она узнала ловушки – в ее прибрежном городке использовали такие же. Вместе с туристами прибывали и грызуны. Андреа подумала, что крысу, которую отправили судье, могли найти прямо в городе. Но сразу же выбросила эту мысль из головы, потому что сейчас ей хватало сил только на то, чтобы по очереди переставлять ноги.

– Вон там есть дайнер. – Байбл прибавил шаг. – Я уже позвонил им и забронировал нам места у стойки. Надеюсь, ты не против?

– Все отлично. – Андреа очень надеялась, что еда откроет в ней второе дыхание. Ее желудок снова заурчал, когда в воздухе запахло картошкой фри. Впереди неоновые огни вывески «Ар Джи Итс» отбрасывали на тротуар розовый свет. «МОЛОЧНЫЕ КОКТЕЙЛИ – ГАМБУРГЕРЫ – ОТКРЫТО ДО ПОЛУНОЧИ».

– О, какие люди! – Байбл широко улыбнулся, придерживая дверь для женщины с огромными пакетами еды навынос.

– Кэт? – Было заметно, что она удивлена его здесь увидеть. – Что ты тут делаешь?

– Тренер вызвал меня со скамейки запасных. – Он представил их друг другу: – Джудит, это Андреа Оливер, моя новая напарница в борьбе с преступностью.

– Привет. – Джудит смотрела на Андреа, ожидая ответа.

– А... – Андреа потеряла дар речи и отчаянно пыталась найти его. – Да, привет.

– Она не очень разговорчивая. Дай-ка я тебе с этим помогу. – Байбл взял полиэтиленовые пакеты и проводил Джудит до стоявшей неподалеку машины. За рулем ждал мужчина. Андреа заметила «серебряную звезду» у него на ремне.

Байбл сказал Джудит:

– Мы хотим перекусить. Скажи судье, что мы придем к пяти тридцати, чтобы я показал своей новой напарнице территорию.

– Лучше к шести, чтобы мы успели поужинать. Мы у бабушки ранние пташки. – Джудит открыла дверь и кинула свою стеганую сумочку на пассажирское сиденье. Затем взяла у Байбла пакеты с едой. В свете уличных фонарей она выглядела слегка старше Андреа, ближе к сорока. Она была в цветастой блузке и парео, обернутом вокруг талии вместо юбки. Она казалась очень приземленной и очень богемной, хотя и садилась в шикарный серебристый «Мерседес».

Байбл помахал ей рукой:

– Скоро увидимся.

Дверь машины закрылась с тихим стуком. Заурчал двигатель.

Джудит выглянула из окна и бросила на Андреа вопросительный взгляд. Андреа не знала, куда себя деть. Она расстегнула рюкзак и стала рыться в нем, делая вид, что ищет что-то жизненно важное. Наконец машина тронулась, но лицо женщины все еще стояло у нее перед глазами.

Ледяные голубые глаза. Острые скулы. Небольшая ямочка на подбородке.

Джудит выглядела точь-в-точь как их отец.

17 октября, 1981

За полгода до выпускного

Эмили задрожала от очередного порыва пронизывающего ветра со стороны океана. Она зажмурилась от жгучего соленого воздуха. У нее горели глаза и ломило тело. Она устала, но в то же время чувствовала себя удивительно бодро. У нее никогда раньше не было бессонницы, хотя бабушка говорила, что это у них семейное. Может быть, это и значило быть почти восемнадцатилетней – почти взрослой, почти женщиной, – разучиться выключать мозг, чтобы отдохнуть.

Колледж. Стажировка. Новый город, новые предметы, новые друзья.

Эмили поставила немой вопрос после слова *«друзья»*.

Она выросла в Лонгбилл-Бич и всю жизнь была окружена одними и теми же людьми, местами и предметами. Она не была уверена, что помнит, как заводить новых друзей, и еще не была уверена, что хочет это делать. У нее были другие школьные знакомые, но они оставались где-то на периферии, а центром ее эмоциональной жизни, вокруг которого все вращалось, с первого класса оставались четыре человека – Клэй, Нардо, Блейк и Рики. Они гордо называли себя *кликой* с тех пор, как мистер Доусон, директор младшей школы, отругал Рики за то, что та связалась с шайкой.

Сколько Эмили себя помнила, клика проводила каждые выходные и многие вечера вместе. У них совпадало большинство уроков. Все они были в программах для отличников. Все, кроме Блейка, ходили в беговой клуб мистера Векслера. Они читали интересные книги и говорили о политике, мировых событиях и французском кино. Они постоянно спорили и соревновались, чтобы поддерживать друг в друге интеллектуальную чистоту.

В это же время в следующем году они будут разбросаны по разным местам, и Эмили останется одна.

Она свернула налево на Бич-драйв. Ряд пустых магазинов в центре защищал от холодного морского ветра. Безумные толпы туристов исчезли, и все испытали облегчение вперемешку с тоской. Последний год в школе заставил Эмили посмотреть на многое со стороны. Ей было гораздо проще оглядываться в прошлое, чем смотреть в неизвестное будущее. Куда бы она ни повернулась, ее охватывала ностальгия. Скамейка в парке, где Клэй тайно рассказал ей об автомобильной аварии, в которой погибла его мать. Дерево, на которое она опиралась, пока Рики накладывала ей бинты на рану после нелепого падения со ступенек библиотеки. Переулок между кондитерской и палаткой с хот-догами, где два года назад Блейк, окрыленный своей победой на окружных дебатах, пытался ее поцеловать.

Эмили услышала взрыв громкого смеха, и ее сердце замурлыкало, как теплый сонный котенок, когда она увидела мальчишек в дальнем конце улицы. Клэйтон шел рядом с Нардо, они одновременно что-то говорили и наслаждались вечерним солнцем, согревавшим их обветренные лица. Нардо стал стройным благодаря бегу, но у него всегда были пухлые щеки, почти как у херувимчика. Клэй был выше, более серьезный и устойчивый. Он обернулся через плечо, и его мощная челюсть рассекла воздух. Блейк, как всегда, плелся позади, засунув руки глубоко в карманы вельветовых брюк. Он смотрел себе под ноги на тротуар, так что не заметил, как Нардо резко остановился.

Эмили услышала крик *«О боже!»* за пятьдесят ярдов. Она улыбнулась, когда Блейк налетел на Нардо, затем Клэй споткнулся, а потом они все вместе заскакали по тротуару, как шарики в автомате для пинбола. Ее переполняла любовь, когда она видела их – их юность,

их легкость, их нерушимую дружбу. Внезапно у нее навернулись слезы. Она хотела остаться в этом моменте навечно.

– Эмили?

Она обернулась, вздрогнув от неожиданности, хотя не было неожиданностью увидеть на ступеньках полицейского участка Джека Стилтона. У него в руках была ручка, а на коленях – блокнот, в котором не было ни одной записи.

– Сыр! – сказала она, улыбаясь ему и вытирая слезы. – Что ты здесь делаешь?

– По идее, должен писать статью. – Он нервно постучал ручкой по блокноту. – Нам с папой пришлось остаться в участке.

Сердце Эмили упало. Ее собственная мать, может, и была холодной и властной, но, по крайней мере, она не была сумасшедшей алкоголичкой, которая время от времени меняет замки на входной двери.

– Сочувствую. Это отстой.

– Ага. – Он продолжал стучать ручкой о блокнот, настороженно поглядывая на мальчиков. Когда они собирались вместе, они могли вести себя с ним весьма жестоко. – Только не говори никому, ладно?

– Конечно. – Она подумала о том, чтобы присесть на ступеньки рядом с ним, но Клэй уже ее заметил. Наверняка снова будет дразнить Эмили по поводу «ее коллекции сломанных игрушек». – Мне правда жаль, Сыр. Знаешь, ты всегда можешь поспать в нашем сарае в саду. Мои родители никогда туда не ходят. Тебе не надо ждать, пока я предложу. Могу положить туда подушку и одеяло в любой момент.

– Ага, – повторил он. – Может быть.

– Эм! – завопил Клэй с другого конца улицы. Он открыл дверь в дайнер, но не стал ждать Эмили, потому что знал, что она придет.

– Мне пора... – неловко проговорила она.

– Конечно. – Сыр опустил голову, царапая что-то в своем блокноте.

Эмили стало паршиво, но не настолько, чтобы что-то с этим делать. Она сунула руки в карманы пальто и побежала к дайнеру.

Знакомый колокольчик звякнул над дверью, когда она открыла ее. Эмили окутал слишком теплый воздух. Внутри было всего три случайных посетителя, и все они сидели далеко друг от друга на вращающихся стульях у стойки. Клика уже заняла свои обычные диванчики в углу. Рики подмигнула Эмили, проходя мимо нее с подносом газировки и молочных коктейлей. Большой Эл наблюдал со своего места на кухне. Даже в межсезонье ему не нравилось, что клика занимает место в ресторане, но он решил пойти на эту жертву, чтобы присматривать за двумя своими внуками. Тем более Нардо всегда все оплачивал.

– Вы не слушаете. – Клэй взял молочный коктейль с подноса Рики, но обращался к мальчикам. – Вы все специально решили отупить?

Нардо только что запихал в рот горсть картошки фри, но это не помешало ему ответить:

– Я предпочитаю быть острым.

Рики засмеялась, но остальные простионали.

– Вот и я о том же. – Клэй вытянул соломинку из подставки. – Мир разваливается, люди голодают, я призываю к революции, а вы, придурки, можете думать только о спортивных тачках и видеоиграх.

– Ты несправедлив, – сказал Нардо. – Я еще довольно много думаю о сексе.

– Мы всегда хотим то, чего не можем иметь, – изрек Блейк.

Рики хихикнула и хлопнула Блейка по плечу. Он с драматичным вздохом встал, чтобы она могла сесть между ним и Нардо.

Эмили тихонько пристроилась рядом с Клэем, но он, как обычно, не подвинулся, чтобы освободить ей место, так что ей пришлось сидеть на самом краешке одной ягодицей.

– Знаете, – сказал Блейк. – К слову, о машинах, вы видели, что мистер Констандт купил «Делореан»?

– На самом деле, – вклинился Нардо, – он называется «ДиЭмСи-12».

– Господи боже мой! – Клэй запрокинул голову и уставился в потолок. – Почему я теряю время с вами, бессмысленными и скучными плебеями?

Эмили и Рики обменялись взглядами, почувствовав необходимость закатить глаза. Они слышали про революцию слишком часто – особенно если учесть, что худшим событием в их жизни было происшествие несколько лет назад, когда Большой Эл заставил Блейка и Рики работать в дайнере по вечерам и выходным, чтобы поставить ресторан на ноги после сильного пожара на кухне.

Клэй со стоном опустил голову. Его губы обхватили соломинку. Кадык задвигался вверх-вниз, когда он стал глотать. Заходящее солнце за бутылочным оконным стеклом придавало его красивому лицу ангельское сияние. Эмили почувствовала, как ее охватывает желание, пока она рассматривала его черты. Он был бесспорно красив, с густыми темными волосами и сексуальным влажным ртом, как у Мика Джаггера. Даже пока он пил, его холодные голубые глаза скользили вдоль диванчика. Сначала Блейк, потом Рики, потом Нардо. Его взгляд избегал только Эмили, которая сидела у его левого локтя.

– Ладно. – Нардо всегда первым нарушал тишину. – Заканчивай, что ты там говорил.

Клэй не торопился. Он громко всосал остатки своего коктейля и отставил его в сторону. Стакан оказался прямо перед Эмили. Ее ноздри раздулись. Запах молока казался неприятным, почти кислым. Она начала трясти ногой. Ее слегка затошнило.

– Я говорил, – продолжил Клэй, – что «Синоптики»¹⁹ что-то *делали*. Они тренировались, как солдаты. Они проводили настоящие учения и изучали ведение партизанской войны. Они превратились из кучки детишек-недоучек в настоящую армию, способную изменить мир.

– А потом подорвали себя вместе с очень дорогим песчаником. – Нардо явно был счастлив первым сообщить эту новость. – Это сложно назвать выигрышной стратегией.

– Они ударили по Капитолию. – Клэй стал перечислять цели, загибая пальцы. – Потом по Госдепу. Они опрокинули грузовик «Бринкс». Они забрасывали свиней-копов коктейлями Молотова и добрались до судьи Верховного суда.

Эмили поджала губы. Ее мать была судьей.

– Да ладно! – вскрикнул Клэй. – Они взорвали чертов Пентагон, ребят!

– И что это дало? – Нардо стал выглядеть более сурово, чем обычно, когда убрал тонкие светлые волосы с глаз. Он был единственным из мальчиков, кто проколол ухо. Камень был огромный. – Ни одна из этих акций ничего не дала. Они взорвали какие-то пустые здания, убили несколько человек...

– Невинных людей, – вмешалась Эмили. – У которых были семьи и...

– Да, да, ладно, – Нардо отмахнулся от нее. – Они убили невинных людей, и это ни черта не изменило.

Эмили не нравилось, когда ее игнорировали.

– Разве они не кончили в тюрьме или в бегах?

Клэй посмотрел на Эмили – впервые с тех пор, как она зашла в дайнер. Обычно она грелась в лучах его внимания, но сейчас готова была расплакаться. Его приняли в колледж на западе. Эмили собиралась учиться в часе езды от дома. Они будут в тысячах миль друг от друга, и она будет тосковать по нему, а он, вероятно, и думать о ней забудет.

Клэй снова повернулся к Нардо:

---

¹⁹ «Синоптики» (англ. Weather Underground Organization или Weathermen) – леворадикальная боевая организация, классифицированная ЦРУ как террористическая, действовала в США с 1969 по 1977 год. В своем манифесте организация называла своей целью «уничтожение империализма в США и формирование бесклассового коммунистического мира».

– Прочитай манифест «Пожар в прерии». Целью «Синоптиков» было свержение американского империализма, искоренение расизма и создание бесклассового общества.

– Минуточку, – парировал Нардо. – Мне очень нравится нынешняя классовая система.

– Вот это шок, – пробормотал Блейк. – Парень, чей дедушка заправляет банком «Стандард Ойл», хочет сохранить статус-кво.

– Отвали. – Нардо бросил в его сторону картошку фри, но она приземлилась ближе к Эмили. – Чего я не понимаю, Клэйтон, так это почему ты не воспринимаешь все эти истории как поучительные. «Синоптики». Симбионистская армия освобождения. Черт, даже Джим Джонс и Чарльз Мэнсон – что случилось с ними и их последователями?

Эмили отвернулась, сделав вид, что осматривает пустой дайнер. Молочного коктейля Клэя уже было достаточно. Когда появилась еще и вымазанная в кетчупе картошка фри, в желудке Эмили начал подниматься девятый вал. Она почувствовала странную слабость, настолько похожую на морскую болезнь, насколько это возможно на суше.

– Чего ты не понимаешь, Бернард, – начал Клэй. – Так это того, что мистер Векслер прав. У нас в Белом доме засел обожающий Голдуотера²⁰ престарелый неудачник-актер фильмов категории «Б», который с помощью субсидий лижет задницы своим корпоративным приятелям, при этом обрушиваясь на так называемых «королев пособий» и раздувая военно-промышленный комплекс.

– Слишком много умных слов в одном предложении, – сказала Рики, инстинктивно обхватывая Нардо.

– Это значит понимать мир, дорогуша.

Рики снова поймала взгляд Эмили. Революция очень редко выступала за права женщин.

– Хорошо, но... – вмешался Блейк, избрав для этого свой обычный педантичный тон. – Я думаю, можно было бы привести аргумент, что мы до сих пор о них говорим, правда? Или что мы вообще знаем о «Синоптиках», Чарльзе Мэнсоне и Джиме Джонсе спустя столько лет – а это значит, что они в каком-то смысле еще актуальны.

– Одно следует из другого. – Клэй показал четыре растопыренных пальца. – Вот так Бернардин Дорн²¹ приветствовала девочек Мэнсона в знак солидарности после того, как они воткнули вилку в Шэрон Тейт.

– О господи, – Рики, похоже, искренне ужаснулась. – Ну все, ребят. Это уже не круто.

Каждый из мальчиков издал свой звук в знак извинения или раздражения.

И все же Эмили заметила, как Блейк слегка пододвинулся, чтобы взять Рики за руку под столом. Они были двойняшками, но их трудно было принять даже за родственников. Рики была маленькой, кругленькой, с носом-кнопкой, а Блейк был почти на фут выше, с крепкими мускулами и острыми локтями. Даже волосы у них были разные. Вокруг головы Рики всегда стоял сноп тугих кудряшек. Прямые волосы Блейка до плеч были на несколько тонов светлее.

– Так, – Нардо снова убрал с лица волосы, вздернув свой и так курносый пороссячий нос, – давайте поговорим о следующих выходных, а, ребятки? Мамочка с папочкой наконец решили провести несколько ночей в городе, а вы знаете, что это значит.

– Вечеринка месяца! – Рики радостно подняла свой стакан.

Эмили уставилась в стол. Она почувствовала, как у нее задрожали руки.

– Технически, – сказал Блейк. – Прошло уже больше месяца с предыдущей вечеринки.

– Да, хорошо, *технически* это «Вечеринка месяца плюс одна неделя», – сказал Нардо. – Но главное, мои старинные друзья, что она состоится!

---

²⁰ *Барри Моррис Голдуотер* (англ. Barry Morris Goldwater) – американский политик и писатель. Сенатор, а также кандидат от Республиканской партии во время президентских выборов 1964 года. Влиятельный участник неофициальной консервативной коалиции, противостоявшей либералам в Конгрессе.

²¹ *Бернардин Дорн* (англ. Bernardine Rae Dorn) – одна из лидеров движения «Синоптиков». В последующие годы занималась правом и политикой.

– Ур-р-ра! – снова подняла свой стакан Рики.

Эмили изо всех сил старалась наполнить легкие воздухом.

– Отличные новости, старина. – Клэй потянулся через стол и вытянул сигарету из пачки Нардо. – Кто придет в этот раз?

– Да, – саркастически поинтересовался Блейк. – Кого мы пригласим?

Рики фыркнула. Они никогда никого не приглашали. Они всегда были только впятером, и именно это им нравилось.

– Если вы позволите мне предложить... – Зажженная сигарета повисла между губами Клэя. – Было бы здорово, если бы у нас состоялась еще одна сессия с нашим другом мистером Тимоти Лири?²²

Все засмеялись, но дрожь от рук Эмили прошла по всему ее телу. На затылке выступил пот. Она бросила на Рики еще один быстрый взгляд. Они проводили свои ежемесячные вечеринки на протяжении уже нескольких лет. Это были скорее не традиционные вечеринки, а джем-сейшен²³ с алкоголем и травой, во время которых они решали мировые проблемы и смешивали друг друга.

До прошлого месяца.

Они первый раз попробовали ЛСД, и до сих пор оставались какие-то куски того вечера, которые никто из них не мог вспомнить.

– Да ладно, Эмми-Эм, – сказал Клэй, заметив ее сомнения. – Не порти вечеринку до того, как она началась.

– Ты отлично провела время, – сказал Нардо. – Ну, то есть *о-о-о-тли-и-и-ично*.

Эмили чуть не стошнило, когда она увидела, как он многозначительно подвигал бровями вверх и вниз.

– Он прав, – Рики предсказуемо приняла сторону Нардо. – Не порти все для остальных, Эм.

– Ну же, Эмми, – присоединился Блейк. – Ты знаешь уговор. Три мушкетера.

Речь шла о нездоровой помешанности Клэя на девизе «*Один за всех, и все за одного*». Либо они все напивались и/или упарывались, либо никто. Тот факт, что Эмили обычно была единственной, кого приходилось уламывать, будто ускользнул из их коллективной памяти.

– Не порти нам всем путешествие из-за одного бэд- трипа. – Клэй толкнул ее плечом слишком агрессивно. Ее ягодица начала терять опору. Поэтому, конечно же, он толкнул ее еще раз.

– Клэй! – Ей пришлось схватиться за него, чтобы не грохнуться на пол.

– Я тебя держу. – Он обнял ее за талию, и его лицо оказалось совсем близко. Она опустила глаза на свою руку, крепко прижатую к его груди. Она чувствовала под ладонью его крепкие мускулы. Мерное биение его сердца. И желание снова шевельнулось глубоко внутри ее тела.

– Господи, трахни ее уже, – сказал Нардо, наполовину с презрением, наполовину с нетерпением.

Фыркнув, Клэй отклонил это предложение и без труда вернул Эмили в вертикальное положение. Он стряхнул пепел в полупустой стакан Нардо.

– Рики, – сказал Нардо, – принеси мне еще один коктейль, старушка.

Рики закатила глаза.

– Мне казалось, мистер Векслер сказал, что нам всем нужно скинуть несколько фунтов?

---

²² Тимоти Фрэнсис Лири (англ. Timothy Francis Leary) – американский писатель, психолог, участник кампании по исследованиям психоделических препаратов. (Прим. ред.)

²³ Джем-сейшен – совместная последовательная индивидуальная и общая импровизация на заданную тему. Музыкальное действие, когда музыканты собираются и играют без особых приготовлений и определенного соглашения либо когда взять инструмент и выступить может каждый из присутствующих.

– Мне кажется, он имел в виду конкретно тебя, моя дорогая. – Нардо наслаждался ее смущением. – Ну же, моя коровушка, организуй мне еще один коктейль.

– А может, тебе лучше организовать поход на хер?

Он выпустил облако дыма ей в лицо.

– Мечтай.

Эмили снова отвернулась. От запаха табака у нее скрутило желудок. Она закрыла лицо руками. Ее щеки горели, словно в огне. У нее все еще перехватывало дыхание от того, что она оказалась так близко к Клэю, и она ненавидела себя и свое глупое тело за эту реакцию. Она встала с диванчика так резко, что у нее закружилась голова.

– Мне нужно в туалет.

– Аналогично. – Рики толкнула Блейка в плечо, чтобы он дал ей вылезти. Она сказала мальчикам: – Постарайтесь не взорваться, пока нас не будет.

Последние слова предназначались Нардо, который в ответ снова поиграл бровями.

– Господи, – пробормотала Эмили, когда они оказались вне пределов слышимости. – Почему ты просто не скажешь Нардо о своих чувствах?

– Ты знаешь почему, – ответила Рики.

Все знали почему. Бернард Фонтейн был сволочью. Он всегда был сволочью. И всегда *будет* сволочью. Роковая ошибка Рики заключалась в том, что она знала об этом, видела это в действии почти каждый день, но по-прежнему цеплялась за крохотную надежду, что он изменится.

– Дедуль, – позвала она своего дедушку, стоящего за грилем. – Нардо хочет еще один коктейль.

Большой Эл бросил на нее настороженный взгляд, но все же пошел к автомату для молочных коктейлей.

Самое смешное, что Большой Эл считал именно Нардо источником дурного влияния, хотя на самом деле это Клэй водил их всех по краю пропасти. Все глупости, которые они когда-либо вытворяли – от кражи спиртного до употребления наркотиков и воровства денег и ценностей из машин других штатов, – все было его идеей.

И никогда, никогда он не был тем, кто за это расплачивается.

– Давай выйдем подышим воздухом, – сказала Рики.

Эмили пошла за ней по длинному коридору. Щупальца холодного воздуха обвивали ее. Она чувствовала соленый запах морских брызг, проникающий через открытую дверь. Ветер подхватил ее волосы. Променад, словно ковровая дорожка, стелился вдоль берега.

Рики достала из кармана куртки пачку сигарет, но Эмили покачала головой. Ее по-прежнему мутило, и это уже было ей не в новинку. В последнее время ее воротило от любых запахов, будь то аромат свежих цветов на кухонном столе или вонючие сигары ее отца. Наверное, у нее желудочный вирус.

Огонек вспыхнул на конце спички, когда Рики чиркнула по коробку. Она поднесла пламя к своей сигарете. Ее щеки втянулись. Она выпустила дым с резким кашлем. Эмили вспомнила, что сказал Блейк, когда его сестра впервые закурила: *«Ты выглядишь как человек, который курит, потому что считает, что это круто, а не потому, что хочет»*.

Эмили пошла навстречу ветру к краю променада. Она положила руки на перила. Внизу вокруг свай бурлило море. Она почувствовала легкие брызги на своем лице. Ее щеки все еще горели от ощущения, что Клэй крепко прижимает ее к себе.

Рики всегда умела читать ее мысли.

– Ты спрашиваешь меня про Нардо, а что насчет тебя и Клэя?

Эмили сжала губы. Четыре года назад Клэй решил, что секс только усложнит динамику отношений в группе. Из этого указа Эмили поняла, что он в ней не заинтересован, потому что Клэй всегда находил способ получить то, что хотел.

Она ответила Рики:

– В это время в следующем году он будет в Нью-Мексико.

– Это не так далеко, разве нет?

– Это почти тысяча девятьсот миль. – Эмили произвела расчеты по формуле из «Альманаха старого фермера» своего отца.

Рики закашлялась со ртом, полным дыма.

– Сколько времени займет поездка?

Эмили пожала плечами, но она знала ответ.

– Два или три дня, в зависимости от того, сколько останавливаться.

– Ну, мы с Блейком будем в самом центре, в Ньюарке, в старом, добром Делавэрском. – В улыбке Рики была заметна грусть. Единственный положительный момент, который можно было найти в трагической смерти родителей Рики и Блейка, было судебное разбирательство, обеспечившее финансирование их обучения в колледже. – Кстати, а как долго оттуда ехать до тебя?

Эмили почувствовала себя отвратительно, потому что не посчитала расстояние между «Фогги Боттом» и Университетом Делавэра. Но она все-таки рискнула предположить:

– Пара часов максимум.

– А Нардо будет в Пенн, если его отец даст на лапу нужным людям. Это всего в нескольких часах езды от УД. – Рики явно решала какое-то уравнение. – Значит, это совсем недалеко, правда? Ты сможешь прыгнуть на поезд в любое время и увидеться с нами.

Эмили кивнула, но боялась заговорить. Ей ужасно хотелось плакать, она разрывалась между отчаянным желанием изменить свою жизнь и таким же отчаянным желанием навсегда остаться под безопасной сенью клики.

Если Рики и чувствовала что-то похожее, то ничего не говорила. Вместо этого она молча курила. Она поставила ногу на нижнюю перекладину перил и хмуро смотрела на море. Эмили знала, что она ненавидит воду. Родители Блейка и Рики погибли в результате крушения лодки, когда близнецам было четыре. Большой Эл был хорошим опекуном, но нерадивым родителем. То же самое можно было сказать про предков Нардо, которые вечно были или в командировке в Нью-Йорке, или в отпуске на Майорке, или на благотворительном вечере в Сан-Франциско, или на турнире по гольфу в Тахо, или где угодно еще, где не было Нардо. Что касается родителей Эмили... Ну, про родителей Эмили особо нечего было сказать, кроме того, что они ожидали от нее успеха.

Как ни странно, только в жизни Клэя были любящие взрослые, которые всегда были рядом. Морроу усыновили его после смерти матери. У него было четыре сестры и один брат, и все они где-то существовали, но он никогда их не упоминал, не говоря уже о том, чтобы связаться с ними. Наверное, потому, что Морроу воспринимали его как бесценный дар от самого Господа Иисуса Христа. А Клэй не любил делиться.

– Эм? – спросила Рики. – Что с тобой происходит в последнее время?

– Ничего, – Эмили одновременно пожала плечами и покачала головой. – Я в порядке.

Рики стряхнула пепел в океан. Она слишком хорошо считывала мысли Эмили.

– Это так странно, правда? Мы все на пороге того, чтобы начать новую жизнь, но при этом до сих пор здесь, да?

Ограда задрожала, когда Рики топнула ногой, указывая, что «здесь» – это именно *здесь*, рядом с дайнером ее бабушки. Эмили была рада, что ее лучшая подруга испытывает то же чувство перелома. Она не могла сосчитать, сколько раз они незаметно выскальзывали из дайнера, пока мальчики обсуждали, кто из Ангелов Чарли самая сексуальная, или цитировали «Монти Пайтон», или пытались угадать, кто из новеньких девчонок в школе уже делал это.

Эмили знала, что чувство товарищества между ней и Рики пропадет, когда они окажутся в разных колледжах.

– Фу, – Рики с отвращением взглянула на свою сигарету, которую выкурила только наполовину. – Ненавижу эти штуки.

Эмили наблюдала, как Рики швыряет бычок в океан. Она старалась не думать, что он может сделать с рыбой.

Рики сказала:

– Ты изменилась после вечеринки в прошлом месяце.

Эмили отвернулась. На нее снова напала плаксивость. И тошнота. И дрожь. Она слышала звон печатной машинки, которая доходит до конца строки. Щелчок отъезжающей назад каретки. Она представила, как один за другим подсакивают рычажки с литерами и заглавными буквами набирают слово:

ВЕЧЕРИНКА.

Она ничего о ней не помнила. Это было не то же самое, что забыть ключи или домашнее задание. Эти маленькие оплошности существовали в контексте, который мозг Эмили мог восстановить. Она могла представить, как бросила ключи на стол, а не в сумку, как отвлеклась во время урока или просто забыла записать задание. Когда она пыталась вспомнить ночь вечеринки, ей не удавалось зайти далеко. Бетонные ступеньки, ведущие к внушительным дверям дома Нардо. Темно-коричневая плитка в холле. Глубокая гостиная с золотой люстрой и массивной панелью телевизора. Огромные окна с видом на бассейн. Стереосистема, занимающая целую стену. Колонки почти что с Эмили высотой.

Но все эти детали касались не конкретной ночи. Они всплывали из бесчисленного количества других ночей, когда Эмили говорила, что ночует у Рики или делает уроки с подружкой, с которой не разговаривала уже много лет, а на самом деле все они шли к Нардо, чтобы напиться, поиграть в настольные игры, посмотреть кино или накуриться марихуаной и обсудить, как исправить несовершенный мир, который они скоро унаследуют.

Ночь той вечеринки была настоящей черной дырой.

Эмили вспомнила, как Нардо открыл входную дверь. Как Клэй положил ей на язык крошечный квадратик бумаги. Вспомнила, как сидела на одном из замшевых кресел.

А потом проснулась на полу в спальне своей бабушки.

– Ну, что ж... – Рики тяжело вздохнула, повернувшись спиной к волнам. Она положила локти на перила, ее грудь выпячивалась, как фигурка на капоте автомобиля. – Я ничего не знаю про кислоту, но Клэй прав. Ты не должна позволить одному бэд-трипу все испортить. Галлюциногены могут оказывать прекрасный терапевтический эффект. Кэри Грант²⁴ использовал их, чтобы вылечить свою детскую травму.

У Эмили задрожала нижняя губа. Она почувствовала внезапный разрыв связи, будто ее тело было здесь, на променаде с Рики, а мозг витал где-то в другом месте – более безопасном.

– Эм, – Рики поняла, что что-то не так, – ты знаешь, что можешь поговорить со мной.

– Я знаю, – сказала Эмили. Но могла ли она на самом деле? У Рики с Блейком была та же странная штука, что и у других близнецов: если ты что-то говоришь одному, это означает, что ты говоришь им обоим. Потом был Нардо, который мог вытянуть из Рики что угодно. А потом и Клэй, которому они все докладывали.

– Мальчики, наверное, уже гадают, что с нами случилось, – сказала Эмили.

– Пора возвращаться. – Рики оттолкнулась от перил и направилась к дайнеру. – Ты сделала домашнюю работу по тригонометрии?

– Да, я... – Эмили почувствовала, как у нее сжался желудок. Соленый бриз, или запахи с кухни, или сигаретный дым, или все сразу ударило ей в нос, и ей вдруг стало очень плохо.

– Эм? – Рики оглянулась через плечо, заходя обратно в коридор. – Домашка?

---

²⁴ Кэри Грант (англ. Cary Grant, при рождении Арчибальд Алек Лич) – англо-американский актер и артист водевилей. Икона популярной культуры, кинозвезда.

– Я собиралась...

Рвота подкатила к горлу. Эмили зажала рот ладонями и рванула в туалет. Дверь распахнулась и тут же ударила ее по плечу. Эмили кинулась к унитазу, но раковина была ближе. Горячая жидкость брызнула между пальцами. Она убрала руку, и поток рвоты хлынул в раковину.

– Божечки мой, – пробормотала Рики. Она выдернула несколько бумажных полотенец из диспенсера и включила холодную воду в другой раковине. – Господи, воняет ужасно.

Эмили продолжала сухо давиться, зажмурившись над неперевавшими печеньем и содовой, которые они с бабушкой ели перед тем, как она вышла из дома. Еще одна сухая судорога сотрясла ее тело. В желудке было совершенно пусто, но она не могла остановиться.

– Все в порядке. – Рики положила холодные влажные полотенца Эмили на шею. Она поглаживала ее по спине и что-то ободряюще бормотала. Это был не первый раз, когда ей перепало сомнительное удовольствие помогать тому, кто блюет. Из всей компании у нее был одновременно и самый сильный желудок, и самый сильный материнский инстинкт.

– Бл... – выхаркала Эмили слово, которое никогда не использовала, потому что еще ни разу в жизни ей не было так плохо. – Не понимаю, что со мной.

– Может, ты подхватила что-то, – Рики выбросила смятые полотенца в мусорную корзину и достала свою косметичку. – Давно это у тебя?

– Недавно, – сказала Эмили, но потом поняла, что это продолжается уже некоторое время. По меньшей мере три дня, может, даже неделю.

– Ты помнишь Полу из класса по рисованию? – Рики чиркнула зажигалкой, чтобы нагреть кончик карандаша для глаз. – Она беспрестанно блевала в третьем семестре, и ты знаешь, что с ней случилось.

Эмили взглянула на себя в зеркало и увидела, что с ее лица сошла краска.

– Конечно, для этого нужно, чтобы кто-нибудь тебя откупорил. – Рики освежила черные стрелки под глазами. – Ты потеряла девственность, не сказав мне? Вот черт...

Она внимательно посмотрела на Эмили, читая самое худшее в ее шокированном взгляде.

Рики громко сглотнула.

– Эм, ты же не?..

– Нет. – Эмили наклонилась над другой раковиной и плеснула себе в лицо холодной водой. Ее руки тряслись. Она вся тряслась. – Не говори глупостей. Ты знаешь, что я бы никогда этого не сделала. То есть сделала бы, но сразу рассказала бы тебе.

– Но если ты все-таки это сделала... – Рики снова осеклась. – Черт, Эм, ты уверена?

– Уверена ли я, что до сих пор девственница? – Она вернулась к раковине, куда ее вырвало, и выкрутила кран, чтобы вода смыла все в канализацию. – Думаю, я бы запомнила, если бы у меня был секс, Рик. Это довольно крупное событие.

Рики ничего не ответила.

Эмили взглянула на лицо своей самой старой подруги в зеркале. В крошечной комнате, выложенной плиткой, их молчание отдавалось, как пушечный выстрел.

Вечеринка.

Эмили сказала:

– У меня начались месячные в прошлую пятницу.

– Ох, черт, – Рики облегченно рассмеялась. – Почему ты сразу не сказала?

– Потому что я говорила тебе, когда они начались, – ответила Эмили. – Прямо посреди физкультуры. Я сказала тебе, что мне нужно уйти в раздевалку сменить шорты.

– А, да-да, – Рики продолжала кивать, пока не убедила себя, что это правда. – Извини. Наверное, поэтому тебе и плохо. Боль иногда чудовищная.

Эмили кивнула.

– Кризис миновал, – Рики закатила глаза. – Пойду отнесу Нардо его драгоценный молочный коктейль.

– Рик? – сказала Эмили. – Не говори мальчикам, что меня вырвало, ладно? Мне стыдно, и ты же знаешь, что Нардо сразу начнет тупо шутить или выдаст что-то мерзкое.

– Да, конечно. – Рики изобразила, что закрывает свой рот на молнию и выбрасывает ключ, но Эмили уже представляла эту цепную реакцию: Блейк – Нардо – Клэй.

– Я все уберу, – Эмили указала на раковину, но Рики уже выходила за дверь.

Эмили услышала, как шелкнула задвижка.

Она медленно повернулась и посмотрела на себя в зеркало.

Ее месячные всегда были хаотичны и шли по непредсказуемому графику. Они начинались либо слишком рано, либо слишком поздно, или, может, она просто плохо следила за своим циклом, потому что не занималась сексом, а у Рики с собой всегда были тампоны, так что зачем обращать такое уж пристальное внимание на то, что было досадным неудобством, а не предупреждением?

Эмили закрыла глаза, и ее веки задрожали. Она увидела, как поднимается по бетонным ступенькам к двери Нардо. Как высовывает язык, чтобы Клэй положил на него марку ЛСД. Как просыпается на полу у кровати своей бабушки. Как она мучается от похмелья, как у нее выступает холодный пот и она приходит в панику, потому что по какой-то причине – по какой-то совершенно непонятной причине – ее платье вывернуто наизнанку и на ней нет нижнего белья.

Глаза Эмили открылись. В зеркале она увидела, как по щекам катятся слезы. Желудок все еще сжимался, но она чувствовала жуткий голод. Она была уставшей, но какой-то странно воодушевленной. Лицо вновь обрело цвет. Ее кожа практически сияла.

И она была лгуньей.

У нее не было месячных на прошлой неделе.

У нее не было месячных последние четыре недели.

С вечеринки.

3

Андреа встала над раковиной в туалете «Эр Джи Итс» и плеснула себе в лицо холодной водой. Она изучала свое отражение, думая, что не выглядит и вполтину такой ошалевшей, как чувствует себя. Она наконец встретила дочь Эмили. Возможно, свою единокровную сестру. Тот факт, что это произошло случайно, а не благодаря потрясающим детективным навыкам Андреа, она воспринимала скорее как дар свыше, чем как предзнаменование провала.

Джудит.

Андреа нащупала в кармане телефон. Она погуглила Джудит Вон, но ничего не нашла, кроме пары некрологов каких-то очень пожилых женщин и одного аккаунта в Линкд-Ин, где Андреа не собиралась регистрироваться. В Инстаграме, Твиттере и ТикТоке тоже ничего не было. Она проверила Фейсбук и нашла больше пожилых женщин и фотографии, по всей видимости, их внуков. Имя было как будто из прошлого века, так что ничего удивительного. Даже когда Андреа сузила поиск до Мэриленда и Делавэра, она не смогла найти ту Джудит Вон, на которую только что таращилась на улице.

Она прижала телефон к груди. Ее альтернативное расследование, связанное с Ником Харпом, не развалится из-за неудачного поиска в интернете. Джудит не была похожа на тех, кто стремится выйти замуж, но у нее была дочь, так что, возможно, она носила фамилию мужа. Или жены, потому что такое тоже бывает.

Андреа закрыла глаза, вздохнула и попыталась сосредоточиться на том, что означала для нее новая информация, если вообще что-то означала. Она предполагала, что Бернард Фонтейн, Эрик Блейкли и Эрика Джо Блейкли не использовали соцсети в силу возраста, но это было не особо логично. Ее мать была всего на несколько лет младше бывших друзей Эмили, и у нее был аккаунт в Фейсбуке. Правда, Лора больше сидела в Некстдор²⁵, но в основном потому, что люди, которые круглый год живут в курортных городках, или сплетники, или сумасшедшие, или/и возможные серийные убийцы.

Дверь уборной открылась.

Женщина с копной черных с проседью кудрявых волос подняла брови, увидев Андреа. На ней был красный фартук и белая футболка. Оба запястья были в браслетах в стиле ранней Мадонны – черные и серебряные украшения занимали почти дюйм ее руки, налезая друг на друга. Она перестала жевать жвачку, причмокнула и спросила:

– Ты в порядке, милая?

– Э... – Внезапно рот Андреа снова отказался произносить какие-либо слова. Женщине было далеко за пятьдесят, рост пять футов шесть дюймов, 140 фунтов, у волос, выкрашенных в черный, отросли седые корни. Андреа узнала полосатый фартук здешнего персонала, но, когда она увидела буквы «РД» на бейджике, в голове у нее зазвенел крошечный колокольчик.

– Милая? – Женщина прямо-таки излучала материнскую теплоту, будто у нее с собой всегда были средства первой необходимости и пачка печенья, если они кому-нибудь понадобятся.

– Э... – повторила Андреа. – Извините, все в порядке. Спасибо.

– Нет проблем. – Продолжая жевать жвачку, женщина зашла в одну из двух кабинок.

Андреа с трудом подавила желание подсмотреть за ней в щелку. Она выросла в маленьком городке и знала наверняка, что люди склонны оставаться на месте.

Она подождала звука льющейся мочи, затем вернулась в Гугл и открыла сайт дайнера. Прокрутив огромный баннер «ТРЕБУЕТСЯ ПОМОЩЬ», она перешла на страницу с историей ресторана, который брал свое начало в 1930-х годах, когда основатель династии, Большой Эл

²⁵ Некстдор (англ. Nextdoor) – социальная сеть для общения соседей из конкретных районов.

Блейкли, начал торговать содовой. Он купил это помещение и затем передал его своему сыну, Большому Элу – младшему. Потом случился пожар, который чуть не уничтожил бизнес, а двадцать лет назад ресторан сменил название на «Эр Джейс», и женщина, занимавшая сейчас одну из кабинок, оставила место редактора в «Лонгбилл Бикон», чтобы взять на себя управление дайнером. Андреа нашла ее фото с подписью.

Эр Джей «Рики» Фонтейн.

Я, Эрика Джо Блейкли, прошлым вечером не пошла на выпускной. Я была дома одна примерно до шести часов, а потом мой брат вернулся с выпускного пораньше, потому что там было скучно. Мы посмотрели «Сверкающие седла», потом «Аэроплан» и часть «Чужого» на кассетах, а потом легли спать. Я ничего не знаю о ребенке Эмили Вон. Да, я была ее лучшей подругой с детского сада, но последний раз я разговаривала с ней пять месяцев назад, и то только для того, чтобы сказать: «Не разговаривай со мной больше». У нас не было разногласий или ссор. Мой дед сказал держаться от нее подальше, потому что Эмили употребляла наркотики, и я знала, что это правда. Я не знаю, что с ней случилось, но это было не наше дело. Она оказалась очень злым и неприятным человеком. Все сочувствуют ей и ее семье, потому что она, наверное, умрет, но это не меняет фактов. Перед лицом закона клянусь, что мои показания содержат только правду.

Андреа снова посмотрела на себя в зеркало, удивляясь, как ей до сих пор не удавалось собрать такой простой пазл. Конечно, Рики Блейкли вышла замуж за Нардо Фонтейна. Вот почему все ее поиски Рики Блейкли не дали результатов. Рики взяла фамилию мужа. Вероятно, это был школьный роман. В маленьких городках такое случается.

Ее отражение улыбнулось ей в ответ. Она должна была ругать себя за то, что не поняла этого раньше, но внезапно она ощутила восторг. Она что-то поняла! Она на самом деле нашла человека, который был тесно связан с Эмили. Несмотря на язвительный тон показаний Рики, они были лучшими подругами большую часть жизни Эмили. Взрослая Рики уже давно переросла их маленькую размолвку. Она знает все.

Восторг улетучился так же быстро, как и возник.

Как Андреа заставит Рики говорить? Она не может просто постучать в дверь кабинки и попросить Рики предоставить все детали жестокого убийства ее лучшей подруги, которое произошло сорок лет назад. Ах да, и не могли бы вы подсказать, не был ли ее убийцей другой ваш лучший друг детства?

Если бы Рики хотела облить Клэйтона Морроу грязью, она сделала бы это несколько десятилетий назад, когда ужасные деяния Николаса Харпа привлекли внимание национальных медиа. Во всех историях, которые читала Андреа, говорилось, что он Клэйтон Морроу из Лонгбилл-Бич. В биографии самой Рики было написано, что она раньше занималась журналистикой, но Андреа никогда не наткнулась на рассказ очевидца от человека, который на самом деле вырос с ее отцом. Насколько ей было известно, никто в Лонгбилл-Бич не общался с прессой. Давно потерянных братьев и сестер Клэя/Ника так и не нашли, и они не объявились сами. Его приемные родители отказались говорить с репортерами. Они оба умерли более тридцати лет назад – она от рака груди, он от сердечного приступа, – так что все, что они знали о своем сыне, они унесли с собой.

И это возвращало Андреа ровно в ту точку, из которой она начинала.

Она почувствовала, что скатывается к давно знакомой старой-Энди-которая-настраи-вает-себя-на-провал. Если Андреа чему и научилась в академии, так это разделять задачу на выполнимые части. Прямо сейчас она все еще находилась на стадии сбора информации. Она перейдет ко второму шагу, когда настанет время. Единственное, что сейчас можно сделать – это перестать думать о своем отце как о Нике Харпе. В деле об убийстве Эмили Вон фигу-

рантом был Клэйтон Морроу. Если Андреа найдет способ доказать вину Клэйтона, то о Нике позаботятся.

Характерный звук отрывающейся от рулона туалетной бумаги заставил Андреа прийти в себя. Было уже достаточно странно, что она стояла здесь все время, пока Рики справляла нужду, но совсем странно будет, если Рики увидит ее, когда выйдет из кабинки. Андреа постаралась оказаться за дверью до того, как сработает смыв.

Она намеренно пошла из туалета налево, а не направо, в сторону зала. На кухне было пусто, несмотря на ажиотаж. Андреа прошла по длинному коридору. Задняя дверь была широко открыта. За ней она увидела променада. Ее ушей достиг шум моря. Тут появился мужчина в фартуке повара. Он с любопытством взглянул на Андреа. Он был примерно ее возраста и темнокожий, так что это был определенно не Эрик Блейкли. Может, племянник или сын?

Она снова взяла в руки телефон. Вбила в поиске «РД Блейкли» и получила в ответ аккаунт в Твиттере: «@МКРДИСД».

Молочные Коктейли Эр Джей Итс Сукины Дети.

Очки за оригинальность. Она быстро прокрутила страницу, где были в основном добродетельные отзывы от туристов и несколько от козлов, которых всегда полно в Твиттере. Однообразные фото молочных коктейлей на барной стойке. В основном алкогольных. Андреа никак не могла привыкнуть к тому, что в меню дайнеров есть спиртное. Она выросла на юге, где мет или оружие можно найти на каждом углу, но продажа алкоголя контролируется очень строго.

За спиной Андреа начала открываться дверь уборной. Она быстро пошла обратно по коридору, но успела услышать, как Рики говорит по телефону возмущенным шепотом, которым обычно требуют вызвать менеджера.

– Разумеется, нет, – прошипела она. – Это неприемлемо.

В ресторане стоял низкий гул из-за пожилых приезжих, которые набивали рот жареной едой. У Андреа скрутило живот, когда она заметила Кэтфиша Байбла, сидящего за дальним концом стойки. Для ужина было слишком рано, но она ничего не ела после крекеров с арахисовым маслом этим утром. Когда она увидела гамбургер и жареную картошку, ожидавшие ее перед пустым стулом рядом с Байблом, ей буквально пришлось вытирать слюну с уголков рта.

– Начал без тебя, – сказал Байбл, откусывая от своего гамбургера маленькие кусочки, как ребенок. – Хорошее место. Я бывал здесь раньше. Подумал, ты захочешь их фирменное.

Андреа даже не потрудилась ответить. Она села и затолкала бургер в рот так глубоко, насколько только могла. Она хлебнула колы, чтобы помочь еде пройти дальше. И поморщилась от неожиданного вкуса.

– Нормально? – спросил Байбл. – У них только пепси.

Андреа замотала головой, потому что это не было нормально.

– Так как ты попала в органы? – поинтересовался Байбл.

Проглотив кусок хлеба с мясом, Андреа почувствовала, как глотка растянулась, словно живот у питона. У каждого кадета в Глинко была своя история: дядя, погибший при исполнении; династия офицеров, восходящая к началу прошлого века; острая потребность служить и защищать.

Единственное, что могла предложить Андреа:

– Работала в местном полицейском участке.

Он кивнул с некоторым подозрением, и это заставило ее задуматься, насколько тщательно проверяли биографические данные в ее деле. Например, существовала ли для них разница между копом в униформе, который патрулирует улицы, и оператором 911, который работает по ночам и вырубается, как вампир, с первыми лучами солнца?

– Я служил в морской пехоте, – сказал Байбл. – Повредил палец на ноге в начале Войны в заливе²⁶. Отправили домой восстанавливаться. Но моя жена Касси ясно дала понять, что даст мне пинок под зад, если я не свалю к чертям из дома. В итоге пошел в маршалы.

Он пожал плечами, но было очевидно, что он тоже недоговаривает.

Он макнул картошку в кетчуп.

– Ходила в колледж?

– В Саванне. – Она затолкала в рот еще больше гамбургера, но с разочарованием заметила, что Байбл ждет продолжения. – Бросила за полгода до выпуска.

Он жевал вместе с ней.

– Я служил в Южном округе после выпуска. У них там очень милая штаб-квартира на Булл-стрит. Ты же говоришь не о Колледже искусств и дизайна Саванны, а?

Андреа доела остатки своего бургера. В Глинко она довольно рано усвоила, что нет изящного способа сказать маршалу, что ты вылетела из КИДС и не получила диплом художника-постановщика, потому что завалила экзамен по предмету «*Освещение в нарративе*», чтобы у него не отвисла челюсть, будто он смотрит на бабочек, вылетающих из задницы единорога.

Она рассказала Байблу более складную версию:

– Я нашла работу в Нью-Йорке. Жила там, пока матери не диагностировали рак груди. Я вернулась домой, чтобы заботиться о ней. Работала в местном отделении полиции. Увидела объявление о приеме в СМ США. Потом полтора года обновляла страницу, пока мое заявление не приняли.

Байбл проигнорировал это отступление.

– Каким искусством ты занималась?

– Искусством не-самого-высокого-уровня. – Андреа срочно надо было сменить тему, и только к одной вещи, помимо ее биографии, Байбл до сих пор проявлял живой интерес. – Почему вы спрашивали шефа Стилтона про самоубийства?

Байбл кивнул, допивая свою пепси.

– Если они убийцы, они самоубийцы.

В Глинко свои прибаутки любили даже больше, чем аббревиатуры, но эту фразу Андреа никогда раньше не слышала.

– Что вы имеете в виду?

Он сказал:

– Адам Лэнза, Израэль Киз, Стивен Пэддок, Эрик Харрис и Дилан Клиболд, Эллиот Роджер, Эндрю Кьюненен.

Благодаря долгой телевизионной диете из повторов «Дейтлайн»²⁷ Андреа узнала имена массовых убийц и серийных маньяков. Она никогда не видела между ними ничего общего, кроме того, что все они были чудовищами.

– Они все покончили с собой, прежде чем их удалось взять под стражу.

– Таких, как они, называют интрапунитивными – это такой причудливый способ сказать, что весь свой гнев, осуждение, ненависть и страдание они обращают против самих себя. Существуют документальные свидетельства, что у них были мысли об убийствах и суициде. Они не убивают спонтанно. Им нужно проложить себе путь. Писать об этом, мечтать об этом, говорить об этом, попасть из-за этого в психушку. – Байбл вытер рот и бросил салфетку на тарелку. –

---

²⁶ Война в Персидском заливе (Война в заливе), в арабском мире называемая Второй войной в Персидском заливе или Войной за освобождение Кувейта, – вооруженный конфликт между Многонациональными силами (МНС) и Ираком за освобождение и восстановление независимости Кувейта в период со 2 августа 1990 года по 28 февраля 1991 года. (*Прим. ред.*)

²⁷ «Дейтлайн» (англ. Dateline) – еженедельный американский новостной журнал и юридическое ток-шоу, выходящее на канале NBC.

Пять лет назад судьи получали около тысячи угроз в год. В прошлом году мы зафиксировали больше четырех тысяч.

Андреа не стала спрашивать почему. Сейчас все были обозлены как черти, особенно на правительство.

– Кто-нибудь доводил это дело до конца?

– С 1979 года было всего четыре успешных покушения на убийство федеральных судей. И одно не совсем вписывается, потому что судья оказался в том же магазине, что и член Конгресса, которая была настоящей целью убийцы.

Андреа приправляла свою «Дейтлайн»-диету подкастами о преступлениях.

– Габби Гиффордс.

– Мне нравится, что ты следишь, – сказал Байбл. – Все убитые судьи были мужчинами. Все убийцы были мужчинами, что мы знаем наверняка, потому что их поймали. Все судьи, кроме одного, были республиканцами. – Байбл сделал небольшую паузу, чтобы убедиться, что она поспевает за его мыслью. – Известно только два случая, когда были убиты или тяжело ранены члены семьи судей. В обоих случаях судьями были женщины, и именно они были изначальными целями. Обе демократки. Преступники в обоих случаях оказались белыми мужчинами средних лет. Оба страдали от затяжной депрессии – оба лишились своей карьеры, семьи, денег. И оба покончили с собой.

– Убийцы и самоубийцы, – Андреа наконец поняла, к чему он клонит. Еще одна вещь, которую она узнала в академии, – правоохранительные органы обожают свою статистику. – Понятно. Короче, по прошлому поведению можно предсказать будущее поведение. Вот почему ФБР изучает серийных убийц. Они ищут паттерны. Эти паттерны часто повторяются в серийных убийствах.

– Верно.

– И именно поэтому вы попросили, чтобы шеф Сыр уведомлял вас о возможных самоубийствах в округе. Белый мужчина средних лет с суицидальными наклонностями соответствует типу человека, который может попытаться убить федерального судью-женщину. – Она дождалась, пока Байбл кивнет. – Но не слишком ли широко раскинута сеть? Я имею в виду, сколько людей в наше время *не хотят* убить федерального судью, но при этом способны на попытку суицида?

– В США происходит около ста тридцати успешных самоубийств в день. Около семидесяти процентов – белые мужчины среднего возраста, большинство используют огнестрельное оружие. – Байбл поднял указательный палец. – Предвосхищая твой следующий вопрос, нет, наш парень не убил себя. Я думаю, он, скорее всего, пытался, но у него не получилось. Такой паттерн у них тоже есть. Если бы они не были неудачниками, они не были бы такими чертовски злыми. И мы знаем, что наш парень не побежал в больницу после неудачной попытки, иначе был бы полицейский протокол, а восемьдесят четыре протокола о попытках самоубийства, составленные в пяти соседних штатах за последние пять дней, не имеют никакой связи с судьями.

Андреа почувствовала, как мозг начинает просыпаться. Это было не просто любопытство. Байбл был серьезно увлечен своей теорией.

Она спросила:

– Почему обязательно должен быть полицейский протокол? Пытаться убить себя – не преступление.

– Технически это преступление в Мэриленде и Вирджинии. Это восходит аж к британскому общему праву тринадцатого века, – он пожал плечами. – В штате Делавэр это совершенно законно, но многие способы, которыми люди решают покончить с собой, связаны с нелегально приобретенными наркотиками или неправильно хранящимся оружием. Не говоря

уже о том, что всегда находится бывший, или бывшая, или сосед, или коллега, которым есть что рассказать.

В этом был смысл, но Андреа все равно процитировала Байблу его же слова:

– «Мы не следователи. Наша единственная задача – чтобы судья была в безопасности»?

– Ну конечно. Я думал, мы просто чешем языками, подруга. Особо не порасследуешь с этими жирными чизбургерами, только если не хочешь поиграть в Скуби-Ду с изжогой. Спасибо.

Рики обходила клиентов с кувшином и обновляла им напитки. Ее челюсти пережевывали жвачку, словно механизм. Она наполнила стакан Андреа, подмигнув ей.

– Порядок, милая?

– Да, мэм. – Андреа уставилась на свой стакан, пытаясь взять себя в руки. Она все еще была в восторге, что нашла Рики. Она могла только молиться, чтобы Байбл не заметил.

Он заметил.

– Кажется, ты завела новых друзей.

Андреа не ответила на его немой вопрос.

– «Специфические детали».

– Что-что? – Байбл сделал большой глоток пепси.

Она дождалась, пока он поставит стакан на стойку.

– Вы сказали, что в письмах, отправленных в кабинет судьи, были упомянуты «специфические детали» ее личной жизни. Именно поэтому угрозы были расценены как заслуживающие внимания. Из этого следует, что, кто бы ни угрожал судье, он ее знает – по крайней мере, настолько близко, что ему известны «специфические детали».

– Черт меня за ногу, – поразился Байбл. – А Майк верно подметил насчет тебя, Оливер. Ты цепкая, как клещ. Хотел бы я иметь такую память. Ты этому в школе искусств научилась – вниманию к деталям?

Она почувствовала, что сейчас опять будет серия обманных маневров.

– Кажется, ты очень хорошо знаешь Джудит.

Он снова поднял свой стакан и опустошил его, прежде чем поставить обратно на стойку. Затем стал медленно поворачиваться на стуле, пока не оказался с ней лицом к лицу.

– Мы говорим серьезно?

– Конечно.

– Если нам надо сработаться, Оливер, я должен знать о тебе одну вещь, всего одну.

Она чувала, что он сейчас снова начнет нести ерунду, поэтому готовилась к контратаке.

– Я открытая книга, Байбл. Спрашивай о чем угодно.

– Открытые пироги или закрытые?

– Открытые.

Он затаил дыхание, но теперь выдохнул.

– Это прямо облегчение.

Она не отводила от него взгляда, когда он развернулся и поднял руку, подзывая официантку.

Андреа смотрела в окно машины на нескончаемую череду огромных летних домов на западе от Бич-роуд. Ей не нужно было сверяться с городскими реестрами учета имущества – она и так видела, что разрастающиеся особняки поглощали маленькие коттеджи, которые отдыхающие использовали поколениями. Такое же чрезмерное развитие наблюдалось и в Белль-Айлле. Крошечный пляжный домик Лоры казался карликом среди того, что она называла «гар-габняками». Она постоянно жаловалась, что в ее почтовом ящике полно писем с предложениями продать дом за огромный мешок денег.

– Уроды, – бормотала она, разрывая очередное письмо. – Куда мне идти?

Андреа взглянула на Байбла, который хранил нехарактерное для него молчание с тех пор, как они вышли из дайнера. Из-за подсветки на панели управления шрамы на его лице зловеще сияли. Он барабанил пальцами по рулю, под тихое бормотание яхт-рока из радио. Андреа часто представляла, как поколение ее родителей в глубокой старости будет сидеть в домах престарелых, без конца слушать каверы группы «Дюран Дюран» и периодически выкрикивать персоналу «Ты о чем, Уиллис?»²⁸

---

²⁸ «Ты о чем, Уиллис?» (англ. Whatcha talkin bout Willis?) – известная фраза из американского ТВ-шоу 1970-х – 1980-х годов Different Strokes.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.